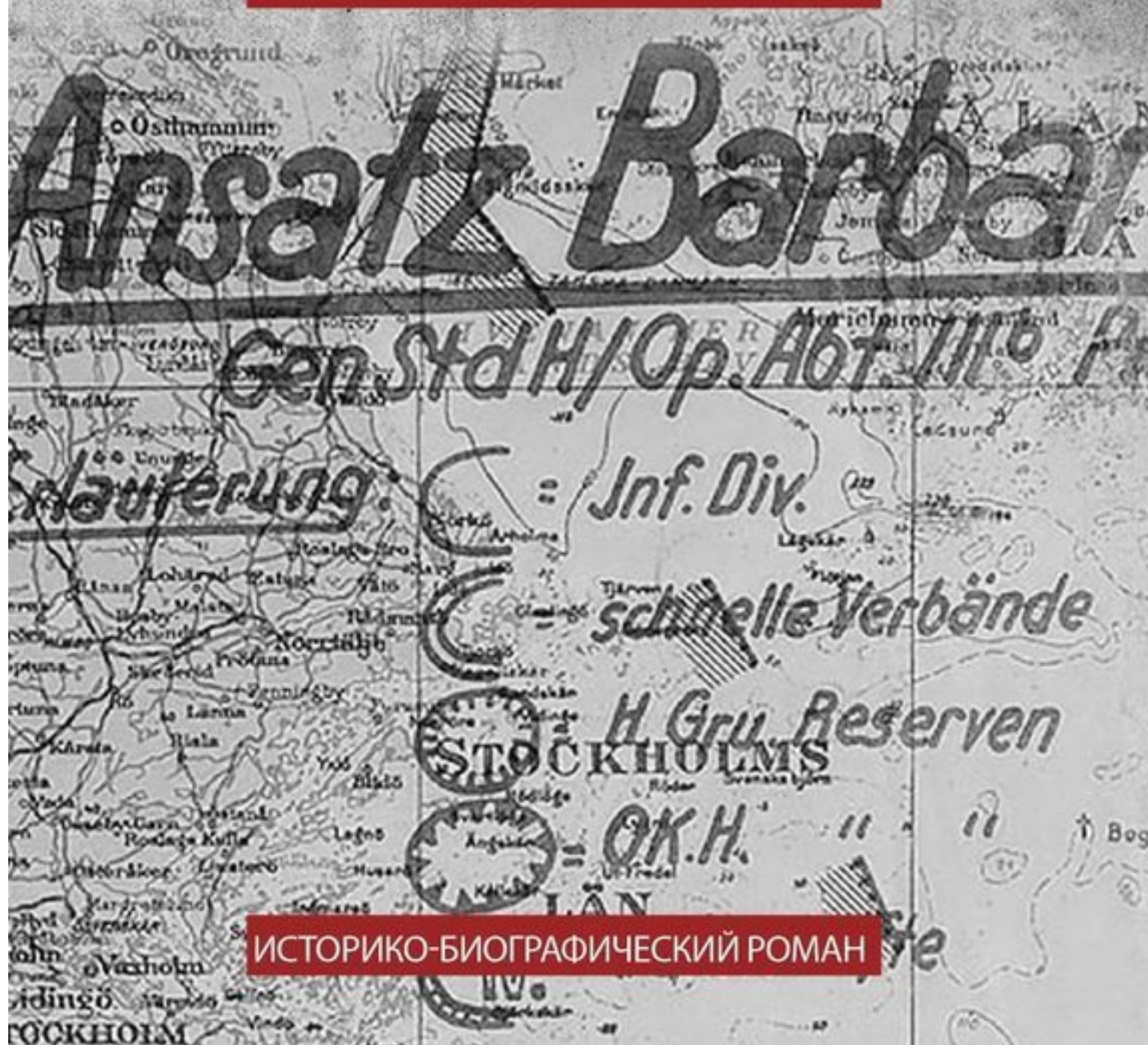

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

ПОД ВЛАСТЬЮ ЛЮЦИФЕРА

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр Котельников

**Под властью Люцифера.
Историко-биографический роман**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Под властью Люцифера. Историко-биографический роман /
П. П. Котельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833543-3

Историко-биографический роман. Я собирался писать правду, только правду и ничего, кроме правды. К великому сожалению, правда моя представляет кусок жизни, пропущенный через душу мою. И каждому вольно согласиться со мной. Это — дар жизни моей, дар того, кто стоит над всеми нами.

ISBN 978-5-44-833543-3

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Память прошлого стучится в сегодня	6
Все дело-в памяти	6
Река времени	9
Ветром продутые, солнцем прожженные	11
Все подлежало переосмыслению	14
Мы ребяташки уральские, нам лампасы бы, да генеральские!..	15
Символ наш живой	20
Мариенталь	22
Болезнь и смерть города	24
Что еще надо?	30
Если завтра война	33
Конференция министров иностранных дел	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Под властью Люцифера
Историко-биографический роман
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2016

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-3543-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память прошлого стучится в сегодня

Все дело-в памяти

Память – величайший из великих даров Космического кразума. Хотя следует сказать, что и сам разум – продукт той же памяти. Память заложена в малом и большом в мире живой и неживой природы. Благодаря памяти частицы соединяются в атомы, запоминая свои места. Атомы, в свою очередь, запоминают свои места в молекулах, молекулы – в веществе.

Что стало бы, если бы мир вдруг потерял память? Исчезла бы форма, а с нею и содержание. Мир превратился бы в первоначальный хаос. Говоря о биологическом существе, не следует забывать о том, что передача наследственных черт, как и изменения эволюционного характера, могут осуществляться только благодаря памяти. И познание мира без памяти невозможно, исчезнет самый важный элемент познания – сравнение.

Посмотрите с этой точки зрения на самое простое действие собаки – поиск. Ей дают понюхать предмет, принадлежавший человеку, собака запоминает запах и идет по следу, выискивая его из массы других запахов, встречающихся у нее на пути. Нет сравнения, и невозможно само познание зла и добра. История человечества – это непрерывающийся процесс познания того, что с нами происходило, главными вехами которого были – взлет и падение. Любой рвущийся к власти человек желает от своего окружения одного – потерю памяти прошлого, чтобы общество не могло сравнивать его деяния с другими. Не имея такой возможности, каждый новый правитель начинал с попытки принизить, охаять предшественника своего. Если он этого не мог сделать, а действия носили слишком уж негативный характер, он начинал через средства информации представлять свои действия как вынужденный результат последствий того, что досталось ему в наследство.

Только представьте на минуту вехи развития того государства, которое развалилось на глазах ваших. Смерть Сталина, оставившего в истории нашей страны, да и не только нашей, неизгладимые следы: коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, война с фашизмом, восстановление разрушенного. Я не стану останавливаться на действиях Маленкова и Булганина, пришедших к власти после смерти Иосифа Джугашвили, они были короткими, главный результат – ликвидация самого грозного претендента на «коммунистический престол», министра государственной безопасности Берии Лаврентия Павловича. Устранение произведено руками человека, которого так тогда любил народ – Жуковым Георгием Константиновичем. Потом уже развернулась борьба между партийными бонзами из ближайшего окружения Сталина, в результате которой к власти пришел Никита Хрущев, одна из самых малограмотных и малозаметных фигур, которого в народе знали как неудачника, развалившего экономику Украины до войны и не лучшим образом, проявившим себя на посту секретаря Московского городского комитета партии большевиков. Почему избран был Хрущев? – напрашивается вопрос. Да только потому, что его менее других боялись. Недоценили киты политики организаторских способностей того пескаря, кто на вечеринках Сталина постоянно играл роль шута.

С чего начал Хрущев? С развенчивания культа Сталина. Была ли в этом срочная необходимость? Не только не была, но даже нанесла непоправимые последствия в международных отношениях, поссорила СССР с Китаем, Албанией, Югославией. Во что обошлось обществу десятилетнее правление Хрущева? Реорганизация административного деления, передача областей и районов из одной республики в другую. Южных областей Урала – Казахстану, Крыма – Украине.

*О чем в Крыму сейчас мы говорим?
Толчем слова, как в ступе воду?
Молиться нужно. Слава Богу,
Что туркам не подарен Крым.*

Подарки, во вкус вошедшего самодура, продолжались, происходило перекраивание административной карты Советского Союза, оно запестрело новыми названиями

Надтеречные районы Ставропольского края отошли к Чечне. На карте Российской Федерации появились новые области: Липецкая, Белгородская, Арзамаская, Балашовская. Для чего, спрашивается? Нужны были должности для тех, кто поддерживал бы Хрущева в борьбе с партийной элитой Сталина. Это были своего рода синекуры для преданных ему лично людей. С этой же целью обкомы партии были разделены на сельские и промышленные, вновь созданы Совнархозы. Перестройка сельского хозяйства привела к тому, что СССР стал закупать зерно в Австралии, Аргентине, США и Канаде. Мы стали забывать о вкусе настоящего хлеба (в пшеничную муку стали добавлять горох и кукурузу), у нас исчезло настоящее сливочное масло, вместо него появились «крестьянское» и «бутербродное» Резко сократилось поголовье скота. А главное – золотой запас страны уменьшился на две трети, а он при Сталине равнялся золотому запасу Соединенных Штатов Америки, хранившемуся в Форт-Ноксе. И это не все. Уверовав в ракеты как единственное средство войны, был нанесен непоправимый вред авиации и флоту. Это благодаря личному запрету Хрущева были свернуты работы под кодовым названием «Буря», которые проводило конструкторское бюро Лавочкина. Бюро был создан летающий аппарат, способный покорять космос, возвращаясь на землю, о каком Америка в то время и мечтать не могла! Представить трудно степень преступности такого решения, позволившего Америке, занимавшейся той же проблемой построить «Шаттл», «Челленджер». Очнется потом СССР, кинется вдогонку, создаст «Буран», который после полета будет оставлен бездеятельным, но – время потеряно. Действия Хрущева поставили мир на грань атомной войны. Президент США Кеннеди сказал тогда: «Хрущев – дурак, но дурак опасный!»

Хрущева сменил Брежнев, который при Хрущеве был председателем президиума Верховного Совета СССР, иными словами – президент. Чтобы сменить Хрущева, нужно было показать его невежество тем, кто еще надеялся на возможность положительных перемен. Я не удивлюсь тому, что пользуясь невежеством Первого секретаря ЦК компартии Хрущева, его, как принято говорить «подставили». Ну, скажем для примера, о случае, происшедшем в Манеже, где Н. С. Хрущев позволил себе оскорбить художников, употребляя слова, которые не принято произносить в нормальном обществе. А потом был еще и пленум по идеологии, поссоривший Хрущева со всей интеллигенцией вообще. Чиновники от искусства, будучи сами невеждами, часто провоцировали его. В среде литераторов, художников всегда находились люди, которые, завидуя истинному таланту, нашептывали на ушко нужному чиновнику, а тот передавал, в свою очередь, чиновнику рангом повыше... Талант загоняли в глухой угол, где каждый считал своим долгом боднуть поверженного. Метко по этому поводу как-то сказал автор «Василия Теркина» Александр Твардовский:

«В лесу есть птицы певчие и птицы ловчие. Боюсь, что птицы ловчие у нас в Союзе писателей передушат всех птиц певчих!»

С политической арены исчез Хрущев. С чего начал Брежнев, пришедший ему на смену? С критики всего, сделанного Хрущевым. Хотя, сменившие самого Брежнева, руководители партии называли период его правления – застойным. Ну, что поделать, когда каждый занимался тем, что приближал развал государства, издеваясь над памятью общества, его историей. Примером этому может служить сама история коммунистической партии Советского Союза. Ее заново переписывали не раз в угоду каждому пришедшему к власти. Создавали конституцию под очередного генсека и принимали ее от лица советской общественности. Использовался

тот факт, что память человеческая со временем слабеет, уходят в небытие очевидцы событий, а записанное остается. Остается, подчистить, подправить, чуть-чуть изменить! Как воздействовать на психику нового поколения людей, приспособив ушедшее к изменившимся условиям? Только охаяв всю прошлую историю, а она у нас невероятно сложная. Ведь на территории нашего общего государства существовала та общественная формация, которую называли социализмом. Жаль, конечно, что многие достижения его, взятые на вооружение другими странами, сегодня у нас ликвидированы. И вместо того чтобы заниматься экономическим подъемом, власти заняты только ревизией прошлого. Это благодаря нашим правителям умаляется заслуга тех, кто смертью своею спас человечество от фашизма. Это сегодня президент Украины Ющенко договорился до того, что период нахождения Украины в составе СССР, назвал советской оккупацией и создает музей этой оккупации! Это сегодня идет планомерно направленная дискредитация не Сталина как личности, а всего того, что при нем было сделано.

Я никогда не был не только партийным функционером, но и никогда не был рядовым членом коммунистической партии. Мало того, я откровенно радовался смерти Сталина, не прогнозируя последующих событий, приведших к развалу величайшего государства на земном шаре, о чем я, безусловно, жалею. С уходом прошлого исчезли социальная защита каждого, появились нищие и бомжи, появились сверхбогатые и бедные. Причем появление тех и других, не было естественным явлением. Когда подсчитают одни только человеческие потери за период после развала, я думаю, что они мало чем будут отличаться от потерь, понесенных в разрушительных войнах. Беда наша, мы не уделяем внимания памяти прошлого, а поэтому не понимаем своего современного положения, считая его порождением одной личности, хотя, естественно, роль личности в истории велика. Вспомните хотя бы Александра Македонского и развал его громадной империи сразу же после смерти?

Что сохранила память наша о самом тяжелом для нашего государства времени – Второй Мировой войне? А, что мы знаем о послевоенном времени?

*Мы памятью своей не дорожим,
Беспечны перед бурей и грозою;
Мы водку пьем, от страха не дрожим,
Смывая память пьяною слезою.*

Менталитет ли наш таков: торопиться и торопиться, идти впереди планеты всей, чтобы затем сделать все, чтобы нас отбросило назад, и глядеть вслед идущим, мечтая о том, как бы теперь догнать их? Или так уже Богом задумано? Кто знает?

Целью моего повествования станет период жизни страны, начавшийся сразу вслед за освобождением от немецкой оккупации. Я пишу о том, что сохранила моя память. Это не исторический обзор, а желание поделиться описанием событий, прошедших интерпретацию через мое сознание.

Река времени

Река времени несет невидимые воды свои. И, как у всякой реки, у нее есть ровное русло, есть и извилистое, есть пороги, когда с грохотом двигается оно, а вокруг пылают города и деревни, дым стелется, закрывая голубую лазурь небес. То закружится, то низвергнется водопадом, идет тогда Великое переселение народов, и непонятно, откуда берется такая масса людей, внешним видом несхожих, говорящих на непонятном языке и нравом крутых. И все это только результат восприятия его. Нет, кажется, языка у времени, и все же есть язык перемен происходящих. Течет река времени, отстукивают ее отрезки, сменяющие друг друга, светлый день и темная ночь, и годы летят, и столетия проходят. Не будь смены ночи и дня, чем бы оно давало о себе знать? Старостью и смертью?

Течет река времени, к истоку ее не добраться. Нет обратного пути, только вперед и вперед. И не опередить ее, не забежать, чтобы узнать, когда кончится она и кончится ли? И дважды не вступить в воды ее!

Одному удалось сделать это – Сизифу. Так чем кончил этот хитрец, обманувший смерть? Катит, напрягая все силы, огромный камень в гору. Вот, кажется, и вершина горы показалась... Но, вырывается камень непокорный и с гулом скатывается к подножию горы. И снова начинает свой бесконечный труд Сизиф. Для чего наказание такое? Чтобы не мог, за трудом бесплодным, вспомнить о пути в вечность и открыть пути того другим. Узнают люди путь входа и выхода в реку времени, не заставишь по смерти толпами вскатывать камни...

А обычно мы, люди, несемся в потоке времени, не видя берегов, и не видно на пути нашем ничего, за что бы можно было зацепиться... То вынырнем на поверхность, то вновь погрузимся. Последний глоток воздуха, обмякло тело – и все. Река времени вдаль понеслась, но уже без пловца. Стоит времени забурлить грозно, как из глубин неведомых на поверхность выносятся все легкое, грязное, столько мусора, запахи неприятные издающего, хоть нос затыкай да глаза закрывай! Но сгорает в солнечном пламени мусор тот. Не дано ему время долго пачкать, мусор – он только мусор и есть! Чувствуя приближение конца своего, оборачиваемся мысленным взором назад, видим упущенное хорошее, вздыхаем скорбно. Но, умоляй время, не умоляй его, ничего изменить нельзя.

С мольбою горькой, запоздалой, наш зов летит:

«Пусть будет все иначе...»

Но время не вернуть, мы говорим устало:

«Утратив голову, по волосам не плачут»

Есть у времени слуги временные, летописцами называли их прежде. Если летописец тот по душевности своей действовал, то частицы времени людям в наследство доставались. А если за золото-серебро, то куски времени во зло для людей обращались. Потому, наверное, осталось недоверие к страницам прошлого, если там летописец пишет о поражении своих. К примеру, французский ученый А. Мазон считает, что автор «Слова о полку Игореве» – лжепатриот времен Екатерины II. Но подумал бы французский фантазер: «Разве придворные льстецы писали б о поражениях?»

Чтобы извлечь малый сгусток времени, надо памятью своей в него окунуться, от пыли и налета веков отряхнуть, от мусора очистить. Позволю и я себе памятью к прошлому обратиться, ведь не в простое время я жил. Имена Гитлера, Геринга, Бормана, Геббельса не пустой звук для меня. Не простые слова для меня и имена Рузвельта, Черчилля, де Голля. На просторах моей Родины, матушки России, жил я, когда жили и трудились Сталин и Маленков, Хрущев и «антипартийная группа», Брежнев и Косыгин, Андропов и Устинов, Черненко и Горбачев,

и иные, кого сегодня демократами великими называют. И пишу я не по заказу, а от души своей, видя, как историю страны моей демократы в угоду врагов России искажают. Болью в душе отзывается прошлое, а раз так то жив я, жива память моя.

*Откуда время ты, и что ты есть такое?
Сокрото от меня, иль наяву,
Доволен я, что не даешь покоя —
Коль больно мне, так значит, я живу!*

Нет в истории малого и великого в отдельности, в тесной связи находится все. И малое мое – история жизни моей, история города, в котором я большую часть жизни прожил, именуемый Керчью, как колоски тонкие, колеблющиеся на ветру, влились в великое, сноп державы моей – России.

С трепетом, надеждой, что не угасит Господь мой, свет памяти моей, приступаю.

Ветром продутые, солнцем прожженные

С какой бы стороны солнце ни светило, степь во власти его. То ласково поднимет зелень трав, ковер из цветов ткёт, то обжигает ее, да так, что желто-бурой становится она, печальной, глаз не ласкающей. Продуваема степь и ветром со всех сторон. На пути ветра никаких преград. А от сильного да холодного, да жгучего норд-оста под одеждой тела не спрячешь. Да и что против ветра такого наша одежда городская, виды повидавшая? Если пальто и на вате, то вата та давно свалялась, плотными комками из-под подкладки прощупывается; перед ветром что решето с большими отверстиями. Уж и весне бы пора, да что-то не торопится она, ветры северные завывают, по ночам песни тоскливые распевают. Редко, но прерывает песни эти хохот сыча, облюбовавшего дом, который татары нам предоставили во временное пользование. До войны в нем школа начальная была. Но то до войны было. Может, сыч и облюбовал его потому, что был дом оставлен людьми? Солнце все дольше и дольше задерживается в небе голубом, не спешит небосклон покинуть. Чтобы тело теплом побаловать, выходим наружу, перебираемся на ту сторону дома, что от ветра защищена, подолгу стоим, ласковым солнечным лучам себя подставляя. Крымские татары, живущие здесь с незапамятных времен, ходят в верхней одежде из овчины. Ветер им не страшен. Им в ней даже жарко становится, полы распахивают. Что за странный народ эти татары? Дома у них саманные, и ни единого деревца вблизи каждого из них! Как они от летнего зноя спасаются?.. Пока еще степь безрадостна. Серая, тусклая, без конца и края, с огромными темно-серебристыми пятнами полыни. Ходим рубить мы ее вместе с корнями для топлива, на норы змеиные постоянно натываемся. Змеи выползают наружу, как и мы, люди, тянутся к теплу, тело вытягивают на пригорках, под солнышко – тоже греются, ленивые. Даже шипеть не хотят, когда их шевелишь палкой. Нам не велено трогать их, только они и спасают жителей от полчищ полевых мышей. Но вот и земля прогрелась, трава из нее полезла. Низкорослая она еще, но для овец доступная. Разбрелись отары овец по степи, чабанами сопровождаемые.

Рано вроде бы, но вдруг грозы далеко-далеко на севере загремели. Только откуда им? Ведь небо яркое, синее, туч на нем нет. Дошло до нашего сознания: то не грозы, а орудия степь оглашают. Значит, освобождение к нам идет не с Востока, как мы того ожидали, а с Севера. Пора и домой! Засиделись мы тут в татарской деревне. Мирно с ними уживаемся, скандалов нет, спорить не за что. У них свой быт, у нас – свой. У них вся жизнь с овцами связана. Овцы – одежда их, овцы – мясо, овцы – брынза. С продажи баранины на столе татарина и хлеб, и овощи. А мы только есть баранину можем, а не выращивать овец. Чужд нам этот быт. Нам в татарском селе некуда руки свои приложить, да и не с руки прихода своих ждать! Вот почему, оставив здесь временно членов семей слабых, не готовых к длительному пешему переходу, понимаемся. А что нам подняться? Что голому подпоясаться! Котомку с самым необходимым на спину и – айда! Невольные бродяги мы, – насильственно лишили крова, – идем домой без денег и сумы. Но руки есть, знать, жизни есть основа!

Что за спиной оставляем? Разбросанные вокруг артезианского колодца, безостановочно извергающего светлую прозрачную воду, приземистые из самана татарские домики, без всякого намека на то, что рядом с ними хоть когда-нибудь вырастут деревья. Рядом с домишками находятся кошары с отарами овец. Скирды не сена, а курая, служащего топливом. Да и плиты в домиках для курая построенные, требующие постоянной кормежки прожорливой пасти плиты. За спиной остаются жители села, с которыми мы успели установить дружеские отношения. За спиной останутся пять месяцев томительного ожидания того момента, когда мы двинемся назад, домой!

Нас восемь человек: четверо мужчин, две женщины и два мальчишки-подростка, тоже считающие себя мужчинами. Для этого у них, пожалуй, есть основания, – ими прочувствовано

то, что многие не увидят за всю долгую жизнь, и главное из прочувствованного – чудовищное насилие!

Один мужчина с белым билетом, то есть он освобожден от армии по состоянию здоровья. Правда, это не освободило его от трех немецких концлагерей, которые он покидал вопреки желанию немецких властей, проще говоря, он бежал из них. Это мой отец, высокий, как каланча, сбивший густую черную бороду, чтобы немцы не посчитали его за партизана.

Судьба трех остальных мужчин достойна была бы стать основой особого повествования, но...

Иван Супрунов, лет тридцати, бывший моряк черноморского флота. Смотришь на него и удивляешься: «Как могли взять моряком недомерка?» Он не только ниже среднего роста, но и в плечах узок, и в талии тоже. Он обладает невероятно подвижными чертами лица, позволяющими ему создавать самые непривлекательные рожицы. Ему удавалось в одно мгновение скорчить рожу врожденного дебила, даже струйка слюны катилась из уголка рта. Знакомство с ним произошло в тот момент, когда немцы формировали из заключенных мужчин Багеровского концлагеря колонну для отправки в Германию. Иван скорчил такую физиономию, что подошедший к нему немец, плюнул ему в лицо, сказав только одно слово: «Шайзе!»

Константин Хрисанопуло, грек по национальности, и тоже не великан, с миловидным лицом, лет 24-х, не больше. Он в ночное время выпрыгнул из самолета, который был сбит вблизи Керчи немецким «мессершмидтом». Скрывался в селе. Попал в концлагерь. Его успели, в самый последний момент, женщины переодеть в женское платье, в этом платье ему и удалось избавиться от этапа на Севастополь.

Алексей, фамилию его я забыл, умел разыгрывать из себя инвалида, а, в общем, был молчаливым и достойным человеком.

Кроме меня, четырнадцатилетнего мальчугана, был еще один подросток – мой двоюродный брат Володя Мелихов. Он был чуть постарше меня, чуть повыше, чуть поплотнее и намного сильнее. Я ему во всем уступал, кроме объема знаний. Здесь я превосходил его намного! Но в военное время, увы, знания не слишком ценный груз. Следует сказать, что подобное наблюдается и во время падения нравов, сопровождающее всякий раз смену политических формаций.

Женщины: моя тетушка Ирина Максимовна, никогда не славившаяся худобой, но значительно потерявшая в весе за последние полгода, в возрасте 34 лет с приятным лицом, прекрасным покладистым характером. Единственный дефект ее – она абсолютно неграмотна. Двоюродная сестра моя Зоя, красивая стройная девушка 17 лет.

Путь наш долгий, длинный, рассчитать силы нужно, но не можем мы длинные привалы делать, дух внутренний, беспокойный, на ноги поднимает, говоря: «Пошли, не засиживайтесь!» И идем мы торопливо по дороге столбовой, с телеграфными столбами поваленными, проводами с них бессильно свисающими. Любоваться бы природой, – уж больно хороша она весною, – да разглядывать по сторонам некогда. Странно как-то, вон уже на горизонте и Ислам-Терек показался, нынче он зовется «Кировское», а это означало тогда – за спиной сорок километров пути оставлено, а ни единого раза мы окрика не услышали: «Хальт!» Да и мундиров ни серо-пепельных, мышинового цвета, немецких значит, ни желто-зеленых румынских не встретилось нам. Ну, ни единого! Словно потоком смыло, освобождая землю от чуждого, враждебного! Но и нашего красноармейца не видно что-то? Это значит, не по пути передвижения войск наш путь идет, далеко в стороне мы от него оказались. Потому и не слышно поскрипывания телег груженных, ни пофыркивания моторов машин, ни лязга стальных траков танков. Да и небо чистое от самолетов, ни единого мотора в голубом просторе. Ни единого взрыва, ни единого выстрела! Боже, какая же благодать – эта тишина! Позволяет она нам и птичьи голоса слышать и полеты пчел диких. А вот и станционное здание, в котором не видно ни единого человека. А зачем оно, если поезда не ходят? Да и власти ислам-терекские, немцами утвержденные,

куда-то подевались? Скорее всего, с немцами, за задок машин их цепляясь, сбежали... Чуть подальше в стороне от станции в 1942 году концлагерь немцы устроили для военнопленных, куда немалое число и гражданских лиц из г. Керчи пригнали. Колья да колючая проволока – вот и все затраты! Да, чтоб не разбежались, охрану из румын поставили. Отцу моему, два дня в нем пробывшему, он хорошо был знаком. Рискнул сбежать – удачей риск тот обернулся. Не рискнул, кто знает, что было бы, чем бы кончилось? Чуть в стороне, еще правее, в сероватом свете наступающего вечера, здание большое склада немецкого, продовольственного виднеется. Но не немец стоит у дверей, а наш красноармеец. У меня глаза круглыми, как у совы, стали, когда я заметил на плечах его погоны. Удивился, думаю: «А может, он и не наш? Может, иной, какой принадлежности?» А лицо простое, конопатое, нос – картошкой, ну, обычное славянское лицо. Набрался храбрости, спрашиваю: «А ты, дядь, наш, русский будешь или нет?»

Засмеялся он залиvisto, сквозь смех отвечает: «Да, русский, русский я, не сумлевайся!»

«А погоны у тебя, дядь, как у власовцев, только на рукаве нет надписи «РОА?»».

Еще больше смеется: «Да русский я, советский!» И в знак уважения дал мне конфет в широкой трубочке, на большие таблетки похожие! Сладкими оказались таблетки те, сам попробовал и другим своим дал. Поговорили бы еще с тем красноармейцем, так нет, пора нам двигаться. Ноги мои в татарских постолах отдохнули.

Все подлежало переосмыслению

Начинать приходилось с переосмысливания того, что нового входило в быт наш, после трех лет войны и вынужденного нахождения в немецкой оккупации. Ведь мы жили в условиях полного информационного голода: ни газет, ни радио – только слухи! И не удивительно, что у меня такой разговор с солдатом в Ислам-Тереке вышел. Когда наши войска покидали Керчь в середине мая 1942 года, знаки различия у военных были на петлицах: треугольники, квадратики, прямоугольники («шпалы»), ромбы, у маршалов – большие пятиконечные звезды. А вернулись в погонах, и знаки различия на них – звездочки. Уходили красноармейцами, а вернулись солдатами. Уходили командирами, а вернулись – офицерами. Хоть и не велик я был возрастом тогда, но хорошо знал, что множество белогвардейских офицеров было расстреляно советской властью, как владельцев золотых погон. Среди белых офицеров, погибших в гражданскую войну, был и брат моей бабушки – Стефан Выходцев, гусар, штабс-капитан. Бабушка вспоминать о нем спокойно не могла, она перебирала все доступные ей прекрасные эпитеты для характеристики внешности и ума брата. Чувствовалось, что она любила его крепкой сестринской любовью которую теперь так трудно встретить. Лично я не сочувствовал им, белым! Напротив, в фильмах про гражданскую войну я приходил в восторг, когда видел, как красные громят белых. И вдруг, нате-ка, красные офицеры?.. Да и не только в погонах, но вся грудь в орденах... Были прежде кубики и шпалы, – вроде, создавали их не зря?.. А теперь – в погонах «обветшалых», к временам вернулись «Октября»?.. Царских офицеров презрительно называли в советское время золотопогонниками. А я видел советских офицеров только в зеленых, Я не знал, что это погоны полевые, созданные так, чтобы не привлекать к себе взора противника. А в мирном быту, они тоже золотом будут светиться.

До войны орденосцев в стране было мало, в городе их знали всех поименно. Скажем, Виноградова, директор школы №23 им. Кирова, в которой я учился до войны, была награждена орденом Трудового Красного знамени. Но она была одна среди учителей на весь Керченский полуостров. Медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» были реже, чем георгиевские кресты царского времени. А теперь у всех возвращающихся из армии орденов было огромное количество.

И я невольно пытался сравнивать немцев с нашими. У немцев получить орден было почти невысказано. Я видел вручение орденов дивизии «Эдельвейс», когда в домике, в котором мы жили, на Литвинке, летом 1943 года расположилось крупное немецкое начальство. Нас, хозяев, выгнали во двор, охраны против нас, правда, не выставляли, потому и награждение происходило для нас открыто. Каждый немец, получающий награду, а их было около десятка, носил следы множества ранений и не только в виде ленточек на лацкане мундира, рядом с застегивающейся пуговицей (это давало возможность быстрого выделения его из массы других), но и в виде множественных бинтов на различных участках тела, еще не снятых. И возникал вопрос: почему так скупы немцы на награды, и так щедры наши? И вопрос еще к нашему орденосцу: «Что это дает в материальном плане тому, оплатившему награды кровью и здоровьем?»

Мы ребятушки уральские, нам лампасы бы, да генеральские!..

Уходили наши красноармейцы на восток, оставляя нас, полностью беззащитных, на расправу врагу.

Видели мы серые, тусклые, без единой улыбки на лице. Никто не нес гордо голову на своих плечах, стыдно было поднять и прямо взглянуть в лица оставляемых. Только слышно было редкое: «Мы еще вернемся». Редко у кого, из уходящих, на груди орден был привинчен или медаль висела, не за что было, наверное, получать! А вернулись в таких орденах, о существовании которых мы не знали.

Какой цвет обращает на себя внимание в первую очередь, и даже раздражает, когда в избытке, или фоном становится? Правильно – красный. В революцию особым шиком считалось иметь галифе красного цвета. Вспомните, какого цвета галифе носил Попандопуло, один из героев фильма «Свадьба в Калиновке»? А какого цвета галифе носил комдив Чапаев? Тоже – красного.

Был когда-то цвет красный мундиров у английских солдат. Красный цвет ассоциировался со знаком опасности. Может, английскому Джимми хотелось одеться поярче, чтобы противник, красный цвет завидев, наутек пускался? Но американцы, воюя с англичанами за свою независимость, использовали этот цвет английских мундиров к своей пользе, отстреливая воинов метрополии, как ярко окрашенных фазанов. К тому времени, когда я подросток и стал в цвете разбираться, одежда воинов стала однотонной. У наших воинов шинель серая, верхняя одежда – цвета хаки, а красного цвета только и всего, что звездочками на пилотках и фуражках красноармейцев светился, да «кубарями» и «шпалами» на петлицах. Теперь не на саблях бились, а по ярким целям стрелять в каждой армии научились. А вот к ярким орденам тяга нас не оставила. Даже мы дети, играя в войну, цепляли на майки и рубашки кусочки белой жести. Нам удавалось создавать знаки отличия из металлических бутылочных пробок, подкладывая их под колеса движущегося трамвая. Расплющенные, они, по нашему мнению, красиво смотрелись. Взрослым решать проблему отличий было сложнее. Разрушив прошлое и отряхнув прах его со своих ног, они стали перед вопросом, каким образом стимулировать революционную активность масс?

Вернуться к обычаям древности не могли. Ну, никак не укладывается в сознание Александр Македонский, обвешанный медалями, как и киевский князь Святослав в орденах! Чем старались выделиться полководцы знатные? Отделкой шлема и оружия. Вот и советские руководители решили награждать самых активных, самых-самых – именным оружием. Простое оно с виду, в бою необходимое, а главное – скромно и дешево. Аппетиты на отличие возрастали, награжденных именным оружием стало так много, что решать вопрос, именное оно или нет, стало крайне затруднительно. Ну, не станет же каждый награжденный в знак доказательства выхватывать саблю, когда такое движение может еще и неправильно истолковываться... Думало, думало советское руководство страны, и ничего иного придумать не могло, как вернуться к той, проверенной веками системе награждения, которой пользовался государь-батюшка, – к орденам. Но тут одна закавыка вышла – все прежние ордена посвящены были святым: Георгию Победоносцу, Андрею Первозванному, Святому Владимиру, святой Анне. И правильно – владелец такого ордена мог надеяться на покровительство того святого, какому орден был посвящен. И условия были для того древние и надежные – вера православная, к чести, совести призывающая. Знали предки наши, на какой ленте орден, следует носить, на какую сторону груди прикреплять. Скажем, орден Святой Анны на шее носился. Св. Владимир на темляке. А у советских людей святых не стало, религией было избрано безбожие, атеизм значит. Святого на грудь не повесишь, разобидится тот на богохульника, да не в ту сторону

помощь может повернуть. Однако вскоре вышли таки из положения, решено было в основу ордена положить сам символ революции – цвет красный. Сказано – сделано, высшим орденом стал орден Красного Знамени. И первый кавалер для него подвернулся, им стал легендарный командир Дальневосточной Красной Армии Блюхер, русский человек, но почему-то с прусским прозвищем. Только не повезло первому кавалеру этого ордена, как, впрочем, и другим из первой десятки награжденных. Нужными они только в боях оказались, а в пришедшее время мирное расстреляли их как врагов народа, на заслуги перед народом не посмотрев, да и оправданий не выслушав.

Война гражданская закончилась, а многим, к власти присосавшимся, так хотелось быть орденом высоким отмеченным, так уж хотелось, что зубы хрустели и ломались от злости, глядя, как другие сидят рядом, а на груди у них на бархатной темно-красной основе орден Красного Знамени эмалью чистой, красной поблескивает. Вздыхает такой «орденопросец»: «Ну, как же так выходит, и положение мое выше и к „самому“ нахожусь поближе, а ордена нет?!» *Ах, как же красиво – вся грудь в орденах, в прошивках, нашивках, да в красных штанах*

Приздумался и Коба, к тому времени Великим Сталиным ставши: «Непорядок получается, рядом со мной товарищи по партии, по революционным делам, сидят, пьют, едят со мною, а орденов на них нет. Подумают, что не преданными партии людьми себя окружил я, а временными прилипалами. Только как же это сделать, чтоб было все законным, за что давать их? Не войну же для этого начинать, да посылать наркомов комиссарами в действующую? А потом, ну какие воины из просидевших штаны евреев?»

Мысль гения была ясная, четкая и тут же реализованная. У товарищей ордена Красного Знамени тоже появились, только трудового, а не боевого. Впрочем, это уже и не важно было – издали трудно отличить боевой от трудового.!

На время серьезная проблема была решена. Только на время короткое. Когда число награжденных до критической массы возросло, Великий Вождь опять приздумался: «Как же так получается, опять все равными стали, а как же со стимулом активности быть? Нет пока революционеров пламенных, да знатных, чтобы их именами ордена называть. А свое выпячивать, кажется, еще рановато. Правда, есть один святее всех святых и живее всех живых, упрямый под гранитную толщу мавзолея. И появилась в стране более высокая награда, лицом Ульянова над орденом Красного Знамени взметнулась – орден Ленина. Но и с этим орденом та же беда приключилась, что и с Красным Знаменем, у отдельных лиц помногу их появилось. В длинный ряд выстроить – как-то эстетически плохо смотрятся. К тому же и для этой награды приблизился час критической массы. Вот и стали звание Героев Советского Союза присваивать, с золотой звездочкой, да на грудь богатырскую. И звучит прекрасно, и для власти не опасно. Ведь есть такие строки «Интернационала»:

*Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и ни – герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой*

Бога нет, царя не стало, а с героями, в случае чего, разделаться – плевое дело!

Первыми героями стали спасители гибнувших челюскинцев – летчики Ляпидевский, Леваневский, Водопьянов.

Вспоминаются слова подпольной песенки:

*Здравствуй Ляпидевский, здравствуй Леваневский,
Здравствуй лагерь Шмидта и прощай.
Вы зашухерили пароход «Челюскин»,*

А теперь – награды получай!..

Все правильно, тогда полеты в Арктику дело было сложное, опасное, и дать за это звездочку стоило. Вот только число Героев стало, почему-то, стремительно расти, золотые звездочки замелькали вперемежку с орденами, обывденными для глаз людских стали, но пока еще призывающими к действию.

Все уладилось в мире нашем, советском, под Красной Звездой Кремлевской, вот только в армии – непорядок, рядовые в орденах таких же ходят, как и командиры. Решено было ввести специальные награды для солдат – медали «За Отвагу», «За Боевые Заслуги». К тому же ясно, что награждать солдат чаще надо, ведь главная фигура в бою, все-таки, – солдат! Без его безумной отваги с врагом не справиться!

Все вздохнули с облегчением, ну, кажется, уладилось, слава Богу! Уладилось, да ненадолго, беда пришла нежданная, войной тяжелой нагрязнула. Потянулись с Запада тучей черною, непроглядною враги извечные – германцы. И вооружение у них покрепче нашего оказалось, хоть мы о том иначе думали, и классом военным выше, да и опыта у них поболее нашего, как-никак всю Западную Европу измерили сапогами своими, покорили. А мы ж к тому, глупость допустили всех своих военачальников, мало-мальски стоящих, в распыл пустили! Пришлось новых творить. А из чего, да на скорую руку?.. А как проверить, тех создали, или не тех? Те, которых постреляли, были войной проверенные! А этих, новых, на маневрах пришлось проверять! Нужны учения, тут никто спорить не станет. Но учения – не война! На маневрах легче, не довлеет страх смерти. Но он же, этот страх, заставляет мысли быстрее двигаться. Метутся мысли быстро, сплетаются, одна другую отталкивает, а потом и сплетаются в нужное решение, основная цель которого – уцелеть! А уцелеть лучше всего можно, поразив врага! Эту, великую истину познают быстро, не всегда без ошибок получается. Иногда и одной ошибки не хватает, чтобы достичь ее! Многократно повторенная ошибка и есть, по-видимому, истинной, поскольку она неоднократно проверена жизнью. Мы войну с немцами и начали с великого множества ошибок. Додумались самолеты свои под бой немцам подставить, у границы, на полевых аэродромах расположив. Порою, даже не замаскировав их! Нате, бейте нас! Тут мы, открытые, в силе своей уверенные! Что же мы без самолетов им теперь противопоставить могли? Ярость, храбрость, презрение к смерти, месть? И стали все наши, сражающиеся и не сражающиеся, либо героями, либо мучениками.

И те, и другие – наград достойны! И стали награждать, награждать, списками целыми, чтобы и штабные, и тыловики в те списки свои имена втиснуть могли.

И не было у нас вернувшихся с войны без наград. А медалей стало тьма, если не «За оборону», то «За взятие». Вспомните слова песни:

«А на груди его сияла медаль за город Будапешт!»

Война кончилась, значимость наград тускнеть стала. Решено было подкрепить их материально. За ордена, да и за медали тоже, платить стали. Но не долго это длилось. Подсчитали суммы выплаченные, развели руками и сказали: «Будет с вас! Много что-то получается!»

Ну, как при подсчете крота в мультфильме про «Дюймовочку»:

«По зернышку в день, оно – мало выходит. А за год 365 зернышек – выходит много!»

Отменили выплаты, народ не роптал. Миром доволен, светом любитесь, красками яркими, как ребенок – веселится. Да, что говорить, заслужил наш человек мирную жизнь, живота своего не жалея!

Но вот товарищи из политбюро недовольны, думали: «Опять беда, с наградами этими! Неладно как-то получается, народ в орденах и медалях гуляет, а руководящие работники, на фронте не бывшие, по кабинетам сидевшие, даже значка порядочного не имеют. И стали награждать по случаю праздников, и юбилеев скопом. Естественно, и воевавшим досталась толика наград, чтоб не роптали. Ордена и медали-то одинаковые. Попробуй, разберись-ка,

за боевые дела даны, или за выслугу? До абсурдов даже дело доходило. Так, А. Маринеско, командира подлодки, объявленного личным врагом Гитлера номер один, человека резкого, открытого, бесшабашного, до безрассудства храброго, от флота отставили, с которым он жизнь свою связал, так и не присвоили звания ему Героя Советского Союза, хотя представление об этом не раз подавалось. Так и умер в бедности достойнейший человек, забытый властью, но по счастью не забытый товарищами. Не нравился высокому начальству за свой удалый характер Маринеско. Хоть бы головой тупой своей там, наверху, подумали: «Разве из тихих, да покладистых герои вырастают?»

*Враг Гитлера – такое заслужить?..
К тому ж у фюрера по счету – Первый!
Не научился на коленях жить,
В отечестве своем наказан был примерно!..*

А вот генсеку, нашему, Леониду Ильичу Брежневу, в войну политработником бывшему, и в звании не генеральском, а полковничьем только, в мирное время и маршальскую звезду на погоны прикрепили, и орден Победы вручили, а звезд Героя – аж целых пять отвалили. Перед всем миром опозорились и ничего...

Если б собрать все награды, Леониду Ильичу Брежневу врученные, да сразу все вывесить, то места не только на кителе, но и на штанах его до самого низу, спереди и сзади, не хватило бы. А в мешок сложить, да за спину поместить, в три погибели согнулся б генсек, кондрашка б его прихватила, не дала бы до полного отупения дожить, как это в жизни случилось!

*Генсек так ярок среди нас,
Ему в истории посвящены страницы,
Сиянием груди затмил иконостас,
Осталось только на него молиться!*

И молились, во всяком случае, обстановка для этого соответствующей была...

И окружение генсека было таким же, откровенно бессовестным, только с меньшими хватательными возможностями.

Так принизили значение наград боевых, что стали ими детишки играть.

Так в королевстве нашем шли к равенству и братству: кто воевал, кто не воевал – попробуй, разберись? Орденов-то у них поровну! А потом, тому, кто воевал пенсию маленькую начислили, чтобы только выживать мог, а тот, кто в тиши кабинетов, под вентилятором сидел – жирует, по «заграницам» ездит, в банки иностранные миллионы и миллиарды прячет, на черный день. Но, что-то уж черный день запаздывает?

А что уж о времени том говорить, когда страна распалась на удельные княжества? Только на одной Украине героями можно пруд прудить. Потанцевал, попрыгал на зарубежных подмостках, отметили там – на, тебе, попрыгунчик лихой, Героя Украины получай! Песню спел, президенту понравилась – стань Героем Украины! От стыда глаза деть некуда, видя, как тешатся паны президенты наши – «избранники» народа, наградами незаслуженными разбрасываясь!

А боевыми настоящими наградами, как товаром, теперь на блошиных рынках торгуют. И совесть не шевельнется у торговца, ведь не все же ордена получены за доблесть кабинетную, многие из них и жизнью, и кровью оплачены!

Их бы, те ордена настоящие да боевые, в квартирах и избах на стенах «красных» вывешивать, как прежде вывешивали фотографии дорогих людей, чтобы дети, да внуки трудами ратными дедов гордились, зная, за что они получены.

Вот дела-то, какие, Боже праведный! Строишь ты, Отец наш небесный, на вакханалию эту с высоты небесного престола и думаешь, наверное: «Места в аду маловато, надо бы увеличить, не хватит на всех!»

Символ наш живой

Во время оккупации информацией нас не баловали. Ее добывали мы из уст врагов наших. Правда, те не слишком удостаивали нас своего внимания, надо же понимать, как следует вести себя существу высшей расы с недочеловеком. Но обстоятельства заставляли все-таки ломать этот барьер, и общаться. То обстоятельство, что мы не понимали немецкой речи, особой значимости не играло. Знак жестов, да еще угрожающего характера и животным понятен, не только человеку. Одним из первых слов, которое мы услышали от фашистов, было «Капут». Не зная поначалу значения этого слова, можно было сразу догадаться о неблагоприятном для нас звучании его, когда еще при этом винтовку показывают, добавляя всем беззязыким понятное: «Пум, пум!» Чаще всего слово «капут» звучало в сочетании с названием городов наших крупных, а более всего с Москвой и Ленинградом. Мы, находясь в оккупации, не могли согласиться со сдачей врагу столицы Родины. Не верили, когда немцы нам говорили: «Москва – капут!» Только уже спустя годы после окончания войны я мог убедиться в том, что такой поворот событий был реальным и нашим вождем проработан. Недаром правительство было переведено в здание сельхозинститута в п. Советы, вблизи города Кинель, Куйбышевской (Самарской) области. Сам Сталин Москвы не покидал, оставаясь символом надежды. До войны он был символом обновления. Сколько городов, крупных и малых, столько предприятий, улиц, учебных заведений с этой целью носили его имя? Да, особой скромностью вождь не страдал! Меняя названия городов, не только цели обновления следовали, но в первую очередь угодить вождю стремились! И ни чем иным объяснить изменение личных имен не возможно, как желанием подчеркнуть преданность свою? Владлен, Сталина и сколько их еще, имен протivoестественных? Это уже и не имена были, а убогие символы времени!

Что поделать, не могли мы обойтись без символов, утратив веру в Бога. Ведь до объявления атеизма основой нашей идеологии была вера в Бога. Мы без Бога обойтись не могли. Он нам давал хлеб насущный, он даровал и жизнь, и победу. Недаром предки наши говорили: «Без Бога ни до порога!» И если хотелось предкам нашим отметить ратные подвиги воинов в сражениях победоносных, то избирали тех, кто так или иначе был связан служением Богу. К примеру, прошла битва на поле Куликовом, победой над Мамаем закончившаяся, героями ее стали иноки Пересвет и Ослябя. Вспомните, сам князь Александр Ярославич, по прозвищу Невский, потомок Рюрика, символ бесстрашия, воли, ума прозорливого, и благородства, перед смертью своей в иноки был посвящен.

А у нас при Советской власти без Бога стали жить. Непорядок, жить без символа! Взамен одного небесного нам дали двух земных. Один бог мертвый, в мавзолее помещенный, другой – живой, в Кремле обитающий. Мертвого поминали редко, в дни торжеств государственных, зато славословие живому звучало ежедневно, помногу раз: в речах торжественных и неторжественных, в планах и реляциях, в прозе и стихах, в песнях и ораториях. Помощниками Бога, как верующие знают, ангелы разных рангов являются. Так у живого бога, Сталина, разместилось рядом, в «ангелах, но не хранителя» много людей, известных и взрослым и детям, тоже в «молитвах земных» восхваляемых. Членами Политбюро, наркоманами называют их. Но, в отличие от небесных, среди земных ангелов почему-то часто и «черти» заводились. И не просто заводились, а приходилось их постоянно разоблачать, выводить на чистую воду. А чтобы отмыться не могли, лишены они были всякой возможности оправдаться, да и права на помилование не имели: как-никак, именем народа судимы были!

Были среди них и такие, кто роль камикадзе для Сталина играл. Не могли они знать одного постулата советского: «Камикадзе – это служащий, оказавший услугу своему патрону».

По мере удаления от Москвы чертей, понятно, меньше становилось, масштабы действий мелкими становились, сокращались, поэтому «черти проклятые» периферии не терпели.

Говоря о Керчи, рабочем городе, можно сказать, что для чертей размаха деятельности здесь не было, разоблачать было некого. Находилась, правда, мелочь всякая, в ничтожно малом количестве, не умевшая словом божьим... пардон, партийным, пользоваться, или дело, даже небольшого масштаба, повернуть не в ту сторону, двигаться не туда, куда все шли, ее можно было вредителями назвать.

Вредитель – это и враг, и не враг... Предатель – действует, рассчитано, руководствуется целью, а вредитель может вред нанести и по дури своей, просто по политическому, или иному недомыслию.

Находились, конечно, и вредители средней руки. Кому-то из них задолжала Советская власть, да долга своего вовремя не отдала, кого-то не оценила по заслугам его? Кого-то по иной причине обидела невниманием своим? И они, желая ей доказать, что она допустила по отношению к ним несправедливость, работу свою, признанную на родине слабой, негодной, с чертежами готовыми, передать врагу пытались, тайну военную, вредящую обороноспособности Советского Союза туда же направить!

Бывало и так, что гражданин сам остался должен стране, да не в состоянии был долг отдать свой, или не хотел его отдавать, вот он и взваливал груз своей ответственности на Родину, облачив его в определенную, но не желаемую власти, форму. Всех таких легче было к вредителям отнести, чем пробовать разобраться, что там и к чему?

Мариенталь

Нас, возвращающихся домой, можно было назвать одержимыми. Откуда только силы берутся у нетренированных к длительным походам людей? Мы транспортом не избалованы были. Ходить в Ички, районный центр со станцией «Грамматиково» (теперь центр этот зовется Советское), мы укладывались за 5 часов, а это туда и обратно составляет 32 километра. Но на этот раз нас ожидал путь, по нашим подсчетам, равный 165 километрам, – многовато, все же!. Мы оставили Ислам Терек за спиной. Само передвижение по степным пространствам в условиях, когда отсутствует угроза жизни, доставляло всем нам величайшее наслаждение. Апрель выдался необычным. Дни стояли ясные, солнечные и по-летнему жаркие. Небо без единого облачка, голубое-голубое, каким оно может быть только весной. Степь, покрытая изумрудно зеленой травой, усыпанная желтыми раскрывшимися полностью лютиками. Чтобы не блуждать по тропинкам и дорогам, проложенным в степи, мы двигались вдоль железнодорожного полотна, всегда на расстоянии видимости его. Ни люди, ни животные на нашем пути не встречались. Носились насекомые, они все торопились дать потомство, им было не до нас. Мы тоже торопились, не щадя своих ног, но совсем по другой причине. Среди нас были две женщины, они давно скинули туфли и шли в носках по земле и траве, поскольку набили водянки. Мы спешили, как только может торопиться человек, истосковавшийся по дому. И не щадили не только ног своих. Как-то странно, идем уже долго, а не видим следов сражений. Только подходя к станции Владиславовке, нам впервые встретились свидетельства того, что война еще продолжается. Это не была линия обороны, и не было следов сражения. Это была расстрелянная с воздуха немецкая автомашина. Она полностью сгорела. На ней еще находились обугленные трупы, положение тел которых позволяло сделать вывод, что смерть настигла их тогда, когда они пытались выпрыгнуть из кузова автомобиля. В кабине были два тела небольших размеров, цветом и материалом напомилавшие уголь. Чуть в стороне лежал труп молоденького немца, с погонами унтер-офицера. Тление пока не тронуло его, цвет лица напоминал воск. Мне не было жаль его, он получил то, за чем пришел к нам! Мы не задерживались, прошагали мимо. Вид мертвых тел был слишком привычным для нас, чтобы останавливаться.

Но все чаще и чаще приходится делать привалы. Легче всего идти мне. Отец мой и двоюродный брат идут в сапогах, а на мне обычные татарские постолы, обувь, сработанная мною лично из куска сыромятной телячьей кожи, шерстью наружу. Меня научили это делать татарские пареньки, с которыми я сдружился в татарском селе Колчура. Я и сейчас утверждать готов, что лучше постолов обуви для степи нет. Мягкая, сработанная, по стопе, под нее только портянка нужна, по форме постолы напоминают пирожки, в которых вместо начинки стопы человеческие находятя, стягиваются они длинными сыромятными ремешками, которыми затем и портянки на голених скрепляются. Обуешь постолы, и ясным становится, почему под них шальвары нужно носить, а не брюки европейские. Верх любой казенной обуви в степи стирается за короткое время, а шерсть телячья долго выдерживает натиск сухих высоких трав. Мне в них идти легко. Встречу по пути лужу, помещу в них, не разуваясь, ноги, и вновь они в постолах, как в чулках, себя чувствуют. Уже пора бы и на ночлег пристраиваться, да что-то отец знака нам не дает. Идет он размашисто, ростом высок, шаг у него широкий. Чтобы компенсировать, приходится на каждых его двумя, тремя отвечать. Идти можно, дорога хорошо просматривается. Ночной светильник на небесах зажегся, поднялся огромным серебряным блюдом. Поднимаясь, он уменьшался в размерах, но усиливал яркость свою. Потом и звезды рассыпью, как яблоки золотые, по небесам расположились. Отец стал распевать псалмы царя Давида. Я удивился тому, что он их все наизусть помнил, хотя запрет на религию давно воцарился на нашей земле. Знания отца объяснялись тем, что невзлюбил его священник, преподававший

закон Божий в Рыльском торговом училище во времена царя Николая Второго. Каждую осень ждала нерадивого отрока переэкзаменовка. И результат – налицо, отличные знания – любой псаломщик позавидует!

Отдыхали мы, когда полночь на вторую половину свою перевалила. Если днем нас жара преследовала, то ночь оказалась очень холодной. В апреле еще отмечаются резкие перепады дневной и ночной температур. Даже за уши стал пощипывать холод. На краю Дальних Камышей мы обнаружили и облюбовали немецкий блиндаж, обшитый изнутри прекрасными, плотно пригнанными друг к другу досками. Внутри оказалось немало соломы, из которой мы быстро соорудили себе лежбища. Те, кто до нас занимал блиндаж, валялись мертвыми метрах в пятнадцати. Нам они не мешали. Мы отлично выпались. Проснулись рано. Отец сказал, что через три дня наступит праздник Святой Пасхи, пора торопиться. Мы съели по сухарю и маленькому кусочку сала и были готовы к дальнейшему пути. Нам здорово повезло: ехавший в Керчь «Студебеккер» подобрал нас. Военная машина шла налегке, без груза. Я впервые ехал на американском автомобиле, где сиденья заводского изготовления находились сбоку, легко убираясь. Ничто не напоминало наши толстые доски, которые каждый шофер изготавливал сам и клал поперек кузова, прикрепляя к боковым деревянным бортам. Амортизация автомобиля была прекрасной. Мы сделали по пути только одну остановку в Мариентале. Мой отец не раз бывал в этом селе, основанном в виде «экономии» немцами, перебравшимися с юга Украины и назвавших ее, так, как называлось их прежнее – Мариенталь. Сейчас Мариенталь было разрушено. Проемы окон и дверей провалами зияют, дома без крыш. Словно кто-то из мести взял и все уничтожил, созданное заботливыми человеческими руками. Ни одного жителя мы так тут и не увидели. Не исключено, что они были, но не удостоили нас своим вниманием. Покидал я Мариенталь с тяжелым чувством ожидания подобного в городе, который привык считать своей второй родиной. Впереди нас ждал дом, если, конечно, домом назвать можно то, что встретило нас!

Болезнь и смерть города

Города, как и люди, рождаются и умирают. Как и люди, они медленно растут и долго на ноги становятся. Если это правило нарушается, то город может расти относительно быстро, но в таком случае невооруженным взглядом видно его уродство. Да и умирает он, не оставив после себя памяти, кроме названия, которое толком-то знают одни историки. Спросите, скажем, про Каракорум, великую столицу монголов. Где она? Какой она была с виду? Из сотни опрошенных едва найдется один, кто вообще слышал о ней! Скорее всего, будут припоминать название какой-нибудь горной системы. А ведь перед владельцем этого города трепетали в свое время великие люди. Сам хан Батый бледнел при одном упоминании о возможности вызова его туда. А ведь он был внуком не кого-то, а Чингиз-хана, когда его самого, как огня, боялась Европа! Тоже можно сказать и о Сараях, столице Золотой Орды, куда когда-то был вызван великий князь Роман Галицкий и претерпел немалые унижения. Имя Сарая сохранилось, но, где он находился, хотя бы знать?.. Смерть города тоже во многом напоминает смерть человека. Город может долго умирать от экономической «чахотки». Вроде и жив, и в тоже время – все признаки смерти налицо. Ну, как сейчас Керчь, в первые годы третьего тысячелетия. Процесс умирания может ускориться, если «лекарь» действует бестолково. Не работают органы такого города, не дают городу питания, а «лекарь» центр города украшает, хотя чуть поодаль стены зданий обветшали, кровли протекают, по улицам в непогоду пробираться трудно. Нечистоты зеленой лужей стоят, ручейками змеятся, а дети запускают в них кораблики. Им не мешают рои крупных зеленых мух и запахи отвратительных миазмов. Попытки скрыть не просто увядание города, а его клиническую смерть, мне напоминает макияж, накладываемый на лицо умершего, чтобы его «благородно» похоронить. Лечить город кардинально надо, срочно запускать все реанимационные мероприятия, только «лекарь» думает часто не о жизни города, а об объеме своего кошелька. Город на ладан дышит, и покидают его те, у кого сила и ум еще сохранились. Остаются те, у кого сил подняться нет, не держат в воздухе одряхлевшие от старости и недоедания крылья, а ум не востребован и съедается молью времени... Город не имеет производств, нуждающихся в творческом уме. Умирает город медленно, жизнь постепенно прекращается, без катаклизмов. И стоит такой город еще некоторое время где-то в стороне от бушующей жизни, со стороны даже кажется живым еще. Но жив он по форме, а не по содержанию. Называют такие города городами-призраками. Бывает смерть и краткой по времени, но бурной, борется город за жизнь свою, трепещет, но тщетно... Агония, полная трагизма, о которой, возможно, будут повествовать! Причиной смерти могут явиться природные катаклизмы, а может, ими будут военные действия?

Я пытаюсь представить себе гибель Содома и Гоморры, о которой говорит Библия. Мой взор мысленно видит льющиеся с небес раскаленные потоки. Горят здания, сады, виноградники. К небесам поднимаются клубы дыма с резким запахом серы и фосфора. Люди пытаются бежать. Но огонь липнет к коже их, пузырятся, чернеют кожные покровы. Куски напалма отрываются и падают на горящую землю вместе с кожей, обнажая кроваво-красные пятна горячей человеческой плоти. Недолго мечутся живые горящие факелы, падают на испепеленную землю, корчатся и замирают. На месте некогда цветущих городов остаются черные гигантские пятна, напоминающие чернотой своей свежий, только что положенный асфальт. И будут показывать спустя многие века путешественникам стоящий в отдалении соляной столп – все, что осталось от жены праведника Лота, которая послушалась приказа Бога и обернулась назад, чтобы увидеть, что творится с городом, который они с мужем и дочерьями оставили за спиной.

Несколько иной выглядит смерть римских городов Помпеи и Геркуланума. Их избирали для уединенной жизни и отдыха патриции, ищущие тишины от слишком бьющей по нервам бурной жизни Рима. Роскошные виллы в окружении садов и виноградников, толпы обслужи-

вающих рабов и рабынь... Ничем не выдавал Везувий своего негодования на людей, строящих свои жилища не только у подножия его, но и на склонах. Спал долгие века, не проявляя своего нрава. Зелень склонов его гармонировала с небесно-голубыми водами морского залива, чаруя взор и наполняя покоем души сибаритов. Кто мог ожидать, что старик Везувий проснется и покажет всему миру свой неукротимый характер! Пробуждение вулкана было стремительным и бурным. Погиб Плиний Старший, пытаясь увидеть это извержение вблизи. А его племянник – Плиний Младший в письмах своих об этом поведал. Известный русский живописец Карл Брюллов изобразил картину буйства Везувия в своей, известной всему миру картине – «Последний день Помпеи». Картина великолепна, полна отчаяния людей, ищущих спасения. Я же, по размышлению, полагаю, что большинство людей, жителей Помпеи, а тем более Геркуланума, даже не успели осознать того, что происходило. Горячие газы обожгли кожу их, мгновенно покрыв огромными ожоговыми пузырями, проникли в дыхательные пути. Чудовищная боль в груди, секунды конвульсии человеческого тела и... смерть. Затем города и их мертвые жители будут засыпаны толстым слоем горячего вулканического пепла. Только тем, кто стоял далеко от Везувия, было видно пламя, вырывающееся из жерла вулкана, и слышался громовой хохот проснувшейся горы. Еще более грозной была картина разбушевавшейся стихии ночью, когда всполохи огня выхватывали из темноты испуганные лица людей. Из кратера взлетали высоко в небо вулканические бомбы, горящими гигантскими каплями падали они вокруг Везувия, сея смерть и разрушение. А землетрясение в Средней Азии, в считанные секунды разрушившее Ашхабад и унесшее жизни сотни тысяч людей! Попробуйте представить весь ужас случившегося глазами тех, кто покидал землю, чтобы уйти в небытие... Агония смерти города может длиться, по меркам человеческого времени, долго, если он подвержен осаде и разграблению. Картина гибели может быть и более короткой, но от того не менее ужасной.

Напрягая свое воображение, мы можем нарисовать жуткую картину, скажем, гибели одного из красивейших городов, существовавших на земле – Пальмиры. Красавцы дворцы и храмы, поражающие чистотой линий порталов и колонн. Жилища, утопающие в зелени пальм. И это в местности, где самым ценным сокровищем является обычная питьевая вода. Ведь далее, за пределами города, простирались только желтые безбрежные пространства пустыни. Что может быть дороже воды в пустыне? О ней, как о величайшем сокровище, мечтают караванчики, ведущие по пустыне вереницы верблюдов долгие дни и недели. Пьют мелкими глотками чай, заваренный на мяте. И капли влаги не проронят на песок. Спросите о цене воды бедуина, вынужденного купать своего новорожденного сына в моче верблюда?! Когда вы сегодня попадете в дорогой ресторан Дамаска, то увидите на вашем столике стакан с обычной водой, охлажденной, с пузырьками газа на внутренней поверхности. Не удивляйтесь, вам на столик поставили самое дорогое сокровище жаркого Востока.

...Бредет медленно караван, жариваемый белым солнцем пустыни. От обжигающего сухого пустынного ветра лицо бедуина спасает бурнус. Мечтает ли он или просто дремлет, покачиваясь в такт движения «корабля пустыни?» И вдруг реальность – райским миражом глазам его предстает город, где чистая и вкусная вода в избытке. Зеленые пальмы образуют красивые аллеи. Со всех сторон ведут караванные пути к нему, к жемчужине Ближнего Востока. Слава о мудрости красоте и хозяйственности властительницы Пальмиры – царицы Зиновии распространяется по миру, вызывая зависть тех, кто привык создавать все, не трудом тяжким, а острием меча. И вторгаются в Пальмиру легионы Древнего Рима. Грабят богатства, убивают, превращают жителей в рабов. Но не понятно мне, чем руководствовались римляне, уничтожая саму возможность возрождения жизни в красавце городе? Может, завистью?.. А может, и сама Зиновия была виновна, пытаясь для выгоды своей использовать борьбу между римлянами и парфянами? Римский император, не очень в свое время популярный, Галлиен был разбит войсками Зиновии, и это раззадорило властолюбивую женщину, слишком часто она стала вмешиваться в дела Рима, когда ее об этом не просили. Возмутился новый римский импе-

ратор Аврелиан, пленил Зиновию, доставил в цепях в Рим. Что с ней там стало тогда, кто знает? Говорили, что он ей даже дом подарил за пределами вечного города. Но только слухи то, не больше. Оставила по себе память царица только именем своим. Ограничился малым наказанием тогда властитель Рима, не тронул Пальмиру. Пальмиру разрушили по его приказу, когда там поднялось антиримское восстание. А это уже позднее было. Где миф, а где – правда? Мне лично кажется, правда находится где-то посередине. Но, как бы то ни было, город разрушен, вырублены пальмы, исчезла зелень, высохли источники воды. Остались пески и среди них скелет богатого и красивого города. И никогда уже на месте его не будет цвести жизнь. Судьба еще одного богатого города, Карфагена, во многом напоминает судьбу Пальмиры. Он тоже стал жертвой развратного Рима. Разнят два этих города древности исходы. Много позднее рядом с могилой Карфагена возникнет цветущий город Тунис. Впрочем, и сам Рим, разрушитель Пальмиры и Карфагена, умирал такой же жуткой и быстрой смертью, когда его подверг разрушению и разграблению вандал Гензерих. Правда, не нашлось тогда того, кто бы красочно описал смерть города, веками распространявшего власть на огромные пространства цивилизованного мира. Только разбитые мраморные статуи, труд величайших скульпторов, могли повесть, что происходило тогда в вечном городе.

А вот описать смерть города, сыгравшего крупнейшую роль в духовной жизни всего мира, ставшего колыбелью трех величайших религий (иудейской, христианской и мусульманской), Иерусалима, смог один человек. И сделал это Иосиф Флавий в своей «Иудейской войне». Благодаря ему можно мысленно представить страдания осажденных горожан, гибель защищающих последний оплот, последнюю надежду иудеев – крепость Масаду. Перенесшие длительную осаду, умирающие от голода, они предпочли смерть рабству. Прежде всего отцы и мужья убили своих жен и детей, а затем убивали себя. Ворвавшимся римлянам предстали мертвые тела в том положении, в которых их застала смерть.

Некоторые города, прежде шумные, буйно жившие, ушли, не оставив по себе вообще памяти.

Но все города, какова бы ни была их смерть, умирают тогда, когда их покидают люди. Причины для этого разные. И часто эти причины остаются неизвестными последующим поколениям людей. Бредут путешественники в зеленых чащах девственного леса, прорубая острой сталью тропу среди чащи зарослей и лиан, и вдруг натываются на дивные творения рук человеческих. Каменные кружева древних храмов, мертвые глаза каменных истуканов, олицетворяющих божества далекого прошлого. «Как же так, – недоумевает путешественник, – отправляясь сюда, я полагал, что здесь никогда не ступала нога человека!» Письменных источников нет, и возникает перед людьми задача со многими неизвестными: кто жил в городе, когда возник город и когда исчез, что заставило людей покинуть его, остались ли потомки или жители исчезли вместе со смертью города, ничего после себя не оставив? Такие поселения имеются в Центральной Америке, Юго-Восточной Азии. Нередко мы знаем и время смерти города и причины ее. Но близко для нас бедствие тех людей, которые жили в нем.

Есть города, которые умирали не единожды, но жизнь снова, через некоторое время, возвращалась к ним... К таким городам относится древняя столица Боспорского царства, многократно на протяжении более чем двух с половиной тысячелетий менявшая свое имя, последнее из них – Керчь.

...До Рождества Христова оставалось 63 года, один месяц и девять дней. Летний ясный день начинался так же, как начинались все остальные летние дни Пантикапея. Рябились голубые воды залива. У деревянного причала стояли два судна из далекого греческого государства Афин. Один разгружал недра своего черного и глубокого трюма. По шатким деревянным сходням сновали, как муравьи, жилистые худющие фигуры рабов в грязных, засаленных набедренных повязках. Сгружались на причал многочисленные амфоры с аттическим вином, оливковым маслом, керамическая черепица, мешки с различными товарами. Разгрузка проис-

ходила под неусыпным оком надсмотрщика. Правда, плеть его не гуляла сегодня по плечам «нерадивых» рабов. Второй корабль загружали мешками с золотистой пшеницей, солеными осетрами. На городском рынке, расположенном неподалеку от храма бога Диониса, шла бойкая торговля. Продавали прибывшие из Афин товары, а также товары местного производства. Богатые ходили медленно между рядами продавцов, сохраняя достоинство и внешнюю невозмутимость. Беднота отчаянно торговалась, стараясь дешевле закупить продукты для многочисленной семьи. Часть горожан толпилась у входа в храм, посвященный богу вина. Ремесленники занимались обычным делом. Гончар крутил свой незамысловатый круг. Каменотесы подготавливали камень-ракушечник под закладку нового дома. Дети с криками и визгом занимались доступными им играми.

Внимание некоторых горожан привлекло необычное поведение домашних животных: мычали коровы, блеяли овцы, выли собаки. Кормчие кораблей обратили внимание на то, что где-то вдалеке от берега вспучились воды пролива. Высокая волна покатила к берегу. Земля застонала. Гора качнулась, стряхивая с себя ветхие строения. Раздался грохот, рушились стены даже крепких зданий, оседали крыши, погребая под собой жителей. Пыль заволокла город. Толчки следовали один за другим. Люди с криками в панике бегали, пытаясь спастись от гнева богов. Водный вал подошел к берегу. Корабли взлетели вверх. Они сейчас казались огромными птицами, пытающимися подняться в воздух, хлопающими на ветру белыми крыльями-парусами. Затрещали бревна причалов, и корпуса суден ответили таким же треском. В бортах обоих кораблей образовались огромные проломы, туда потоками хлынула морская вода. Большинство моряков было сброшено с палубы в море. Их подхватывали волны и били о стенки причалов, выбрасывали мертвые тела на берег... Прошло совсем немного времени и цветущий город умер. Осиротелые жители бродили в поисках уцелевших живых родственников, моля богов о сохранении жизни. Город практически был уничтожен. Но он возродится, правда, не достигнув того величия, которым обладал до буйства стихии. И останутся два вопроса для автора этой книги неясными. Совпадало ли по времени разрушительное землетрясение с извержением вулкана Карадага? Связано ли с этим катаклизмом изменение места впадения реки Кубань? Известно, что когда-то воды Кубани впадали не там, где она впадает сегодня, близ г. Темрюка, а прямо в Керченский пролив, смешиваясь с морскими и опресняя их. Известно, что осетры, судаки, тарань ловились в то время в водах самого пролива.

В третьем столетии после Рождества Христова Пантикапей, возрожденный, жил и трудился, хотя торговля с Грецией резко сократилась. Материковая Греция переживала не лучшие свои времена. А связям Пантикапея с нею мешали пираты, в большом количестве оседлавшие берега Крыма и бороздившие Черное море в поисках добычи. Развелось корсаров древности великое множество. На какие только ухищрения не шли архонты, чтобы жизнь Пантикапея не замерла! Торговля с заморскими греческими городами составляла основу благополучия. Договаривались с пиратами, ссужая их деньгами и продуктами питания, предоставляя в их распоряжение свои суда и натравливая их на соседей. Но само отношение с пиратами, как зависимой стороной с покровителями, показывало, насколько ослаб вечный город.

И не удивительно, что не спасли Пантикапей ни стены, ни помощь пиратов от хлынувших на него варварских племен, получивших название готов. Нападение готов не было внезапным. О движении их было известно. Надеялись на военную выучку гоплитов и защиту стен. Ни то, ни другое не спасло города. Орды дикарей, в кожаных штанах и куртках из необработанных овечьих шкур, вооруженных короткими мечами и палицами сокрушили защитников Пантикапея. Разрозненные группы горожан еще кое-где оказывали сопротивление. Тщетно, они все пали, обагрив кровью склоны горы, на которой стоял акрополь. Готы в плен жителей не брали. Готам рабство не было знакомо. Кочующие племена не обременяли себя толпой невольников, сковывающих движение. Красивых здоровых женщин захватывали с собой, всех остальных предавали смерти. К вечеру 2 дня, августа месяца, 327 года на месте Пантикапея

были груды развалин, на улицах валялись трупы мирных жителей вперемежку с защитниками родных стен. Пантикапей еще возродится, а вот Мирмекий и Илурат, города-спутники, прекратят свое существование.

Медленно шло возрождение города. Не так-то просто достигать процветания. По образу действий и жизни своей он более стал походить на сельское, больших размеров, поселение. Основными занятиями горожан было сельское хозяйство и рыболовство. Ремесло было в объеме, обеспечивающим внутренние потребности горожан.

446 год, орды Аттилы, все сокрушая на своем пути, достигнут Пантикапея. На этот раз размеры разрушений стали настолько велики, что было ясно: городу уже не воскреснуть. После ухода гуннов от города останется разрушенным все, что могло быть разрушено, сгоревшим все, что могло сгореть. Жителей в городе не осталось. Пантикапей погиб навсегда и больше под этим именем не появится на страницах истории!

Проходит еще четыре столетия, и на месте Пантикапея мы видим город Боспор. Город создан византийцами. Обратили те внимание на выгодное географическое положение места. И если Феодосия становится главными воротами Восточного Крыма, то Боспор становится, как и в былые времена, поставщиком рыбы и в небольшом количестве зерна. Исчезли античные боги. Обломки античного храма, посвященного богу вина Дионису, пошли под фундамент христианской церкви Иоанна Предтечи. Строится она недалеко от подножия горы Митридат, чуть ближе к берегу пролива. Эту церковь с последующей пристройкой может видеть каждый сейчас и, преклонив колена, вознести молитву Всевышнему.

Идет время, как в калейдоскопе, меняются картинки, так меняются правители города. На противоположном берегу пролива расширяются владения Хазарии. Богат Хазарский каганат. Расширяя свои владения, он преодолевает неширокую водную преграду. Город из Боспора становится маленьким селением со смешанным греко-еврейским населением. На правом берегу, почти напротив, стоит крупный хазарский город Самкерц (современная Тамань), где главенствует иудаизм. Не изменил веры Боспор, поменяв имя свое на краткий период времени. Богатства всегда привлекают алчные взоры. Не мог не обратить внимания на богатства Хазарии киевский князь Игорь, сын и наследник варяжского князя Рюрика. Варяги никогда не жили мирной жизнью. Для своих мечей и копий они всегда находили работу. Приходит с дружиной Игорь в Керц, город опять меняет свое имя, теперь его называют на славянский лад Корчевым. Мало киевскому князю добытого, взятого почти без сопротивления!.. Завидующие глаза заставляют переправиться через пролив. Но сил и умения оказалось недостаточно. Разгромил киевского князя еврейский полководец Пейсах, заставил того бежать в Киев, да еще дань выплачивать за дерзкое поведение. Жителям города Керц, исповедующим христианство и принявших благосклонно князя Игоря, здорово досталось. Они были, за малым исключением, истреблены. Опять разгуливают ветры по пустынным улицам города, да каркают вороны, обедааясь мертвечиной.

Сорок семь лет проходит, и над Корчевым взметнулись русские стяги, на этот раз князя Мстислава, сына великого князя Владимира. Но сам город, уже и не город, а селение небольшое, которому набраться сил уже ничто не поможет. Не создатели пришли в него, а завоеватели. Трудно назвать настоящей жизнью прозябание. Не удивительно, что на смену русским приходят генуэзцы. Трудно произносимо для итальянцев название Корчев, да и Керц не под стать певучему языку, и звучит новое имя города на итальянский манер – Черчио. Понимают толк в мореплавании генуэзцы, видят особенности бухты морской и строят каменный мол для причала своих кораблей. Стоит на месте того мола, древнего, новый, руками русских строителей созданный, но имя первых создателей носит – «Генуэзский мол». Где торговля – там и оживление. Хорошеет, растет город. Но, что делать, знать, не судьба – расти и красоваться, морскими путями-дорогами пользоваться... Пришедшие на смену мореплавателям степняки – татары иного направления мыслей. Им море ни к чему. И пустеет город, как и остальные при-

морские города Крыма. Жалкое небольшое селение у подножия Митридата с переделанным на татарский лад именем – Керчь. Несколько десятков жалких хижин, небольшие отары овец. Ни торговли, ни ремесел.

Присоединение Крыма к России дало толчок к развитию города. Возникают промышленные мероприятия, строятся красивые здания, разбиваются парки. Летний и зимний театры свидетельствуют о том, что к культуре искусству тянется город. Создан музей древности. Не пострадал город в период гражданской войны. Продолжал строиться и расширяться в годы Советской власти... Но ждало его то, чего никто в мирное время не предполагал. Войдет Керчь в число городов, самых разрушенных в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Кто мог предполагать тогда из нас, жителей, что такое с нашим любимым городом произойдет? Тих он был и провинциален. Кипучая жизнь его сконцентрировалась на полюсах вытянутого вдоль моря каменного городского тела, где металлургические сердца его бьются. А центральная часть жизнью многоликою, языками разными говорящая, обязана двум своим базарам, с виду обычным славянским, а внутренней жизнью напоминающим восточные. А выйдешь в разрывы между районами города – пусто. Тихо. Крут спуск к морю. На обрыве ветер клонит разомлевшую на солнцепеке полынь. Вдали на волнах качаются лодки весельные, да под парусами небольшие рыбацкие суда ходят.

Что могло нарушить размеренную мирную жизнь нашу? Только война. Только врага мы на западе почему-то не чуяли и пока еще не ждали. Наш привычный, многократно битый враг на Дальнем Востоке находился. А охраняли границу восточную надежно Карацупы со своими Джульбарсами. А мы занимались тем, чем и положено было заниматься. Дети учились. Взрослые работали.

Что еще надо?

Ценность того, к чему ты привык, что кажется обыденным, привычным, узнаешь, когда теряешь. Это хорошо знают люди, утратив орган или здоровье, к которым так наплевательски относились, считая их вечной собственностью. Это в полной мере относится и к общественным ценностям тоже.

Идеологическое воспитание у нас было до войны на высоте. Фильмы довоенные, несущие тлетворное буржуазное влияние, безжалостно кастрировались. Дети попасть на взрослый фильм могли только с родителями, при условии, что сюжет фильма не мог отрицательно воздействовать на психику ребенка.

Похоже, Советское правительство хорошо разбиралось в вопросах построения будущего общества, готовя для него граждан, лишенных пережитков прошлого. Для детей, даже в условиях жесточайшей экономии, денег не жалели. Образование – бесплатное. Учебники – бесплатные. Типовые проекты школ преследовали две цели: удобство и здоровье. Классы просторные, потолки высокие, окна широкие, коридоры длинные и широкие. Буфеты при каждой школе. В буфетах все, что нужно для здорового питания ребенка, цены низкие. Случаев отравления никогда не было. Всякий работающий в заведениях общественного питания знал, случись такое, долго придется, как врагу народа, отбывать трудовинность на лесоповалах. Игровые площадки при школах просторные. Родители никаких материальных затрат на учебу детей не несли. Девочки и мальчики воспитывались вместе. Дети не работали на пришкольных участках, уроков труда у нас не было. Школьный процесс не был перегружен. У нас была пятидневная неделя. По праздничным дням всем школьникам полагались праздничные бесплатные наборы: конфеты и другие лакомства, вес подарков достигал двух-трех килограммов. Родители в довоенное время не знали о том, что наступит когда-то время, когда станут собирать с них деньги и материалы для ремонта школ. Для любознательных учащихся в городе существовали авиамodelьный клуб, морской клуб, стрелковый, клуб любителей почтовых голубей и многие другие. Посещение их было бесплатным.

Многих детей отправляли в пионерские лагеря за счет предприятий, на которых работали родители. Меня никогда не тянуло в детские оздоровительные лагеря, я предпочитал море и улицу. Вся одежда на мне и моих товарищах состояла из трусов, ноги наши в летнее время обуви не знали. Не было ни одного закоулка в городе, куда бы мы ни сунули свой нос, а он от любопытства был длинным. Темные, загорелые ловкие фигурки легко проникали через любую щель. Не было заборов, каких бы мы не преодолевали. Не составляли препятствий и стены, украшенные поверх осколками битого стекла. Родителей наших долгое отсутствие детей не пугало. О сексуальных маньяках у нас в обществе тогда слухом не слыхивали. Транспорт был преимущественно гужевой, нужно было здорово умудриться, чтобы попасть под него. Взрывчатых веществ ни в городе, ни в его окрестностях не было. Длительное пребывание на воздухе, употребление экологически чистых продуктов и постоянное движение делали нас невосприимчивыми к болезням. Проще говоря, мы были счастливыми.

С портретов на нас смотрел Великий Сталин. Лицо доброе. У уголков глаз сеть мелких морщин, на губах легкая улыбка. Рука на головке ребенка. И подпись: «Спасибо Великому Сталину за наше счастливое детство!»

Я тогда тоже считал, что такой благодарности вождь непременно заслуживает. А иначе и быть Гн могло. Мы жили в условиях разумной достаточности. Что еще надо?

Я еще не понимал, что можно одной рукой нежить ребенка, а другой утверждать жесточайший приговор. Трудно отождествлять приятного человека с чудовищем, загубившем множество людей, в том числе и тех, с которыми он пил и ел, которые составляли его ближайшее окружение. Мы многого еще осмыслить не могли. Мы привыкли к своей жизни, она как кожа

защищала нас от всего иного, непривычного. То, что сейчас говорят о нас, живших в прошлом, до того засорено, что невольно возникают мысли: «Откуда это пришло? По чьему заказу все это шьется? Хоть и ловко все сшито и подобрано, но, если внимательно присмотреться, все же белые нитки видны!

Та жизнь, в которой мы живем, это жизнь для малого числа, а для большинства – мир бездумного выживания. Мы с такой жизнью прежде не знались.

Всякая другая жизнь стала бы нами называться неинтересной. Жизнь иная это, – считали мы, – своего рода сумасшествие.

Во всяком случае, я был вполне доволен жизнью! Жизнь без забот, с открытым будущим! Что еще надо?

Были, конечно, и неприятные моменты в моем счастливом детстве. Как без них обойтись?

Как сложно отправлять гигиенические потребности, если хочется ускользнуть от их исполнения. Я согласен с Марком Твенем, описывающим умывание Тома Сойера. У нас условия не были идентичными тем, что описывал американский писатель. Они были значительно хуже, поскольку жилая площадь у нас была слишком малой, чтобы там можно было поместить что-нибудь еще, кроме тел своих. Мы не знали о существовании ванны, пользуясь обычной лоханью, в которой стиралось белье. Верхом блаженства считалось посещение общественной бани, туда собирались, как на праздник. Приходилось долго высиживать в очереди, ожидая счастливого момента, когда тебя запустят в помещение, где воздух был насыщен влагой и специфическим запахом то ли тел, то ли белья. Теперь перед каждым остро возникал вопрос, где бы еще тазик для мытья разыскать, тогда и счастье будет полным. Каким расслабленным и одухотворенным человек выбирался из общего зала, где сквозь пар мелькали голые тела таких же, как и он, любителей бани!

Умывались дома из примитивного рукомойника. Примитивно, зато экономно! Во дворе стояла водоразборная колонка, и это уже прекрасно вообще! Не нужно ходить за водой за тридевять земель. В квартире ставить рукомойник было негде. Использовалась наружная стенка тамбура, самовольно пристроенного к входу в квартиру из ящиков, в которых когда-то находились крупные металлические детали машин, во всяком случае, об этом свидетельствовали надписи на досках, выведенные ядовитой черной краской, которая не подчинялась никаким побелкам известью. Вот к такой надписи и был прибит здоровенным гвоздем наш рукомойник. Под рукомойником стоял таз, вернее, то, что осталось от отслужившей верой и правдой большой эмалированной миски, к которой было приделано новое дно из оцинкованного железа. Не знаю, кто как, но я подолгу стоял всякий раз у тастика в раздумье: мыться или не мыться? Если существовала возможность ускользнуть от внимания матери, то делал несколько движений стержнем рукомойника. Издаваемый им звук свидетельствовал, что его используют. Потом вытирал сухое лицо полотенцем. Мокрые руки приходилось волей-неволей вытирать, как следует. Если ускользнуть не удавалось, приходилось с вздохом умываться. Правда, почему-то воды хватало только на нос и нижнюю часть лба. Подбородку и ушам воды не хватало. Они в любое время года выглядели слишком загоревшими. Правда, если этот загар подолгу тереть, то он сползал с кожи темными тонюсенькими червячками. Зимой ускользнуть от умывания не удавалось, так как мать поливала на руки воду из кружки и следила, все ли части лица вымываются. Вода была холоднющей, кружка звенела, отламывая льдинки от краев ведра. Чем взрослее становился я, тем охотнее выполнял эту процедуру, пофыркивая и разбрызгивая вокруг себя воду.

До войны одежда девочек, у которых на груди еще не появились пухлые шишечки, отличалась от мальчишечей только цветом, характером материала, да изображением на ней рисунков разных: горошка, елочек, мячиков или еще каких-то простеньких изображений. В остальном она была такой же. Это были простого покроя трусики. Трикотажа до войны у нас был

редкостью. У мальчишек на изготовление трусов шел только один материал – сатин. Был он двух цветов: черного и темно-синего. Правда, к концу лета цвета эти почти не отличались, выгорая до неузнаваемости. Как прекрасно чувствует себя кожа детская, ничем не прикрытая. Ветер ласково гуляет по ней, холодит. Солнышко греет, но ты находишься в постоянном движении и не чувствуешь того жара, которому подвержены тела лежащие. А дождик летний, струйками стекающий, когда ты носишься по лужам! Подошвы ног утолщены настолько, что не страшны им ни камни мелкие острые, ни жар нагретого солнцем асфальта. Ссадины и царапины не в счет, они заживают на ходу, без йода и бинтов. Благословенно время детское. Жаль только ту часть его, что немцы украли. После войны я уже не мог позволить себе бегать в трусиках по городу. И даже отправляясь за водой через два двора, когда приходилось переходить улицу, натягивал брюки, а если путь был еще более дальний, надевал еще и рубашку, заправляя ее в брюки.

Вторая неприятность, сопровождавшая мое детство, был ремень. Он более необходимого прикладывался к моему тощему задку. Беда моя заключалась в том, что я не издавал пронзительного визга и отчаянных криков покаяния, которые и должны были служить сигналом к финалу, поэтому доставалось мне более того, чем выпадало на долю моего младшего брата. Били меня и за дело, и без дела, так сказать, доставалось часто и по ошибке. Впрочем, трудно было провести грань между причинами наказаний! А я не имел привычки каяться...

Чем занимались отцы семейств, кормильцы, ведь 80% женщин нашего двора были домохозяйками, т.е. воспитывали детей и вели хозяйство?

Работали на различных производствах, часть свободного времени уделяя вопросам определения друзей и врагов наших. Официальные правительственные заявления по радио, фильмы, статьи в газетах говорили о постоянной готовности нашей встретить врага грудью. Меня часто посещала мысль, посещает она меня и сейчас: «Почему мы всегда врага должны встречать грудью?» Не мечом, не копьем, не штыком, наконец, а грудью? Что, у нас всегда с оружием дело плохо обстояло? В историю глубже заглянешь, и там грудь наша удалая под копьё врага подставляется. Вспомните схватку Пересвета с Челубеем. Монгол в панцире, а наш инок с торсом, едва рубашкою прикрытым. И на картинах русских художников наш человек в рубашке, разорванной на груди, перед врагом предстает. Стреляйте, мол, в сердце мое, не промахнитесь только!..

Если завтра война

До войны нашим правительством был создан миф о непобедимости Красной Армии, во что мы тогда глубоко верили. Что мы знали тогда о войне? Было много живых участников гражданской войны, воевавших на той и на другой стороне. Мы, юные «наследники Великого Октября», практически ничего вообще о войнах не знали. Мы видели войну на экранах кинотеатров. Нам показывали фильмы, говорящие о далеком прошлом, в батальных сценах их победителями всегда становились русские. Мы упивались сознанием национальной гордости за своих предков. Мы своими предками считали, кстати, и представителей всех других народов, которые проживали на территории всей нашей огромной страны. Нам в голову не приходила мысль, почему Русь 150 лет находилась под монгольским игом, если так здорово сражались наши предки? Может, в ту пору перевелись былинные богатыри на Руси? А может, они еще не родились? Наши более поздние предки славно сражались с французами, а те не только до Москвы дошли, но и заняли нашу древнюю столицу. Может быть, наши предки их туда специально заманивали, чтобы потом, подпалив Москву, сжечь их всех в пламени огромного московского пожара? Никому из нас, учившихся в школе, не рассказывали о том, почему после победы на Куликовом поле, так легко Тохтамышу удалось взять Москву. Не говорили нам о нашей несобранности, о пристрастии к спиртному. Что русичи, «нажравшись» спиртного, открыли ворота перед монгольским ханом! Многого нам тогда не говорили. Может, не знали об этом, а может, такая установка была дана? Нам только говорили о победах, нам только демонстрировали кадры о победах. Нам никогда не говорили о цене, которой мы оплачивали эти победы! Ну, как ребенок мог понять такую несправедливость: более чем четырехсотлетнее терпение существования Крымского ханства, устраивающего почти ежегодно опустошительные набеги на русские земли... Горели избы, тянули на веревках связанных десятки тысяч пленников, ожидавших рабства. Если предки были храбрыми и сильными, как же могло быть такое? Мы, будучи детьми, узнали о гражданской войне в Испании, оттуда привозили испанских детей, их наше государство кормило, поило и воспитывало. Вся страна по-фамильно знала о героях летчиках, сражавшихся в небе Испании с фашистами. Валентина Серова, киноактриса, стала известна на всю страну. Полагаю, что известностью своей она была обязана мужу своему Герою Советского Союза Серову, прославившего нашу страну боевыми подвигами в Испании. Но почему мы оставили Испанию, почему победил генерал Франко, нам не говорили? Об этом в газетах тогда не писали.

А какая гордость переполняла сердца и души наши, когда в хрониках того времени показывали нам, как встречает наших красноармейцев освобожденное от гнетов польских панов население Западной Украины и Западной Белоруссии, как бросают на танки букеты цветов и обнимают наших бойцов жители столиц прибалтийских государств. Естественно, нам не покажут, как в этих же столицах, а также и в городах Украины будут цветами и улыбками встречать пришедших гитлеровцев! Но все это будет позднее. А пока мы верили в непобедимую мощь Красной Армии. Нам почему-то в голову не приходила мысль, почему так быстро немцы расправились с Польшей, той самой, которая преподавала урок воинской доблести Красной Армии, которой командовал отличный командарм Тухачевский, в 1920 году? Что, не хватило у поляков храбрости в боях с немцами? Это потом мы узнаем, что храбрости у поляков было в избытке. Польские кавалеристы с обнаженными саблями шли в атаку на немецкие танки, вскакивали на броню, пытались клинком сабли через смотровую щель поразить им немца. Может быть, храбрости не доставало французам? Или их укрепленная линия обороны «Мажино», расположенная вдоль границы с Германией, технически устарела? Нет, храбрости французам не надо было занимать, ее у них хватало! Правильную оценку французскому генштабу, проигравшему войну немцам, дал генерал Шарль де Голль: «Оборонная

доктрина, расчет на затяжную оборону, недостаточность бомбардировочной авиации, почти полное отсутствие штурмовой, устаревшие модели танков не дали возможности французам на равных сражаться с немцами».

Мы просто еще не знали, что нам предстоит встретить не просто армию, а такую армию, какую Германия еще никогда не создавала. А правильнее сказать, на ту пору лучшую армию в мире. К великолепной технической оснащенности, прекрасной экипировке следовало добавить железную дисциплину, оттачиваемую веками, беспредельную веру в военный гений Гитлера, достаточный военный опыт. Ставка немцев делалась на превосходство авиации, прорыв обороны противника танковыми клиньями. Клин раскалывает дерево любой твердости. Построение клином своих войск характерно для немцев. Так рыцари Тевтонского ордена шли на отряд русского князя Александра Невского. Молодой князь нашел тогда действенное средство против клина, заставив рыцарей вдоволь нахлебаться воды из Чудского озера

Что мы могли противопоставить лучшей армии в мире? Большое количество бойцов, на вооружении которых была винтовка еще дореволюционного образца. Автоматы были в рядах наших бойцов редкостью. Десятизарядные винтовки капризничали, отказывая в бою. Наши пулеметы были надежными, но очень тяжелыми. Это они, «Максимы», стояли в гражданскую войну на красноармейских тачанках. И теперь они были основным скорострельным автоматическим оружием. Наши легкие танки, «танкетки», горели, подожженные, как порох. У нас были еще допотопные броневики и бронепоезда. Были, правда, прекрасные средние танки Т-34, но их было крайне мало. Наша авиация резко уступала в скорости полета немецким «Мессершмидтам». Прославленные «катюши» появятся на фронте позднее, когда немцы уже станут всю хозяйничать на нашей земле. Кавалерия, которой мы все еще гордились, отживала, уходила в прошлое. Наш практический опыт ведения современного боя был получен в боях с финнами. Мы потеряли в той войне множество солдат, штурмуя долгосрочные укрепления генерала Маннергейма, служившего еще в царской армии. Что у нас было положительного: наше природное мужество, стойкость к лишениям и страданиям, наша русская смекалка, возможность каждого бойца принимать самостоятельные решения в отсутствие командира, вера в Сталина, мало уступающая вере немцев в Гитлера.

Первый год войны вскроет все наши слабости, но и откроет глаза врагу на наши неисчислимы возможности. А пока мы чувствовали себя крепкими, как сталь, и непобедимыми, распевая песню того времени:

*Если завтра война, если завтра в поход,
Если грозная сила нагрянет,
Как один человек – весь советский народ
На защиту страны своей станет.*

И припев ее был не менее оптимистическим:

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров...*

Наш вождь будет смотреть фильм с таким же названием и во время войны, хотя желаемое за действительное никак не выдать!

Правду сказать, мы тогда о нападении немцев мало думали. Да, и многого не знали. Мы не знали, что нашему советскому правительству многое придется делать для того, чтобы не быть втянутым в войну. Нужно быть сильным, чтобы удерживать врага от посягательств на наши земли и наше богатство. Наверное, уверенности в силе не было? Нам не говорили о том, что в Белом море еще в 1933 году хозяйничали норвежские рыболовные суда, а нашим

рыбакам было дано указание не трогать их. Ведь норвежцы действовали под прикрытием своих военно-морских сил. И только перевод в бассейн Баренцева моря части судов Балтийского флота остановит этот открытый грабеж. У нас был постоянный, коварный и жестокий враг с косым разрезом глаз, и почему-то всегда в круглых очках. И в кадрах кино и на рисунках карикатур. И все знали отлично японское слово – «Банзай». Но и, вступая с японцами в частые военные конфликты, части Красной Армии не должны были нарушать чужих границ, и никогда этого не делали. За это нес личную ответственность командир воинской части. А выводы по нарушителю этого указания делали настолько крутыми, что и желания такого не возникало. У нас было много нерешенных вопросов, в том числе и по военной подготовке населения.

Неспокойно было на западных границах, не спокойно и на Дальнем Востоке. Гибли наши пограничники. А знали ли мы об этом? Знали только мать, да отец погибшего. Растили сына, ночей не досыпали, а нашлась сволочь, выстрелившая из укрытия на той стороне границы. И не задумывались о том, а где же международная рабочая солидарность? Или только одурманенные ненавистью ко всему светлому и справедливому стреляют? О том, что мы можем быть тоже несправедливыми, мысль почему-то не приходила?

Война все поставила на свои места. Пришло время, и мы стали серьезно смотреть на вопросы военного образования

Но это опять будет в будущем. А перед войной в стране, где идеология была основным фактором формирования общества, все происходящее за ее пределами широко и охотно обсуждалось трудящимися, естественно, в негативном свете. Трудящимися, значит, всем народом, поскольку слово трудящиеся ассоциировалось со словом граждане, а нетрудящиеся – со словом паразиты.

Мы были уверены в победе. И, когда война ворвалась в наши мирные дома, думали, что разгром немцев – дело нескольких недель. Чтобы ускорить этот процесс, военные комиссары атаковали толпы желающих добровольно отправиться на фронт! Не было тех, о которых потом анекдот такой разгуливал:

*Повоевать и цыгану пришлось,
От страха стал белее снега.
Сказал, трясясь: «Пиши меня в обоз,
Да, только на последнюю телегу!»*

Кто думал тогда, что многим не удастся попасть туда живыми, что смерть настигнет еще по пути туда, а сама война растянется на четыре года. И не будет ни одной семьи, которую бы она не затронула! Особенно мучительными для нашего советского общества станут два первые года войны. И видели глаза мои...

...По дороге идут люди, неровной колонной, в серых шинелях, с оборванными хлястиками. Лица в землю устремлены, голов не поднимают, по сторонам не оглядываются, Они молчат, ибо говорить не о чем. В их головах нет ничего, чем хотелось бы поделиться с шагающими рядом. Вся задача состоит в том, чтобы сделать шаг, за ним – другой. А для этого не мысли нужны, а упорство. Нужно крепкое желание жить. Эти люди попали в плен к врагу. Они были красноармейцами и командирами, они были нужны тому, прошлому обществу, которое сохранялось на востоке страны, Прошлое отрезано, и они стали лишними, ненужными. Они голодные, они смертельно устали. Моросит мелкий дождик, шинели пропитались водой, стали тяжелыми, сковывают движения. Бывших воинов, а теперь военнопленных, сопровождают вооруженные винтовками и автоматами немцы. Немцы идут по обочине дороги, где можно идти, не утопая по щиколотку и по колено в грязи. Пленные лишены такой возможности. Грязь непролазная, ноги с трудом вытаскиваются из чавкающей, засасывающей грязи. Время от времени, кто-то падает, пытается подняться, и не может. Немец подходит, толкает в бок ногой

упавшего, говорит: «Aufstehen! Schnell!» Упавший не поднимается. Немец приставляет отверстие ствола к голове лежащего, и нажимает курок. Сколько людей осталось лежать позади, раскинув руки, в попытках поднять упавшее тело, и не успевших сделать этого?

На траве, и в низинах, в самой гуще грязи, на пригорках и в лозняке. На самой дороге и рядом с нею, на обочине. И у всех их одна общая деталь – пулевое отверстие в затылке. А ведь это остались лежать товарищи, друзья, соседи и близкие... Вспоминается грустная песня, которая была посвящена тому времени, Слова и мотив песни мы запомнили еще в период войны и потихоньку грустно напевали, находясь в концлагере. Она не блещет поэтическим совершенством, автор ее мне неизвестен.

Я невольно друзей вспоминаю,
Так бывало в минувшие дни...
Проходили они чередой,
Но годами казались они.

В лагерях было тесно и душно,
По колено бродили в грязи.
А наутро впрягались в тачки
И на них своих мертвых везли.

Так деньки за деньками тянулись
И пришла с холодами зима.
Нам разутым, раздетым голодным
Она крепко себя знать дала.

Но немецкие силы слабели,
Русский фронт продвигался вперед.
Был наш лагерь в колонны построен,
Нас этапом погнали, как скот.

Отстающих прикладами били,
Загоняли в колонны бегом.
Кто не мог продержать путь тяжелый,
Тот в затылок убит патрулем.

И затоптаны в грязь по дорогам,
Наши трупы лежат без конца,
А их где-то семья ожидает,
Жена мужа, а дети отца!

Конференция министров иностранных дел

Я остановлюсь кратко на характеристике тех, кто нам, живущим в России, не был хорошо известен, хотя с именами их мы были знакомы только потому, что во Второй мировой войне их роль была слишком велика. Они стоят у истоков мифов о прошедшей войне. Речь идет о политике и политиках. В политике не может быть друзей – в ней есть партнеры и расчеты. Попробуй разобраться в ней? Для искусственных – сложная работа!

Было время, когда женщины нашего многонационального двора, естественно, не все, а большая его часть, ни единым словом не касались политики, хотя и выполняли постоянно миротворческие миссии, умиряя ватагу юных розовощеких удальцов, с гиком и воем носившихся по ограниченной территории двора, имевшей одну неприятную для взрослых особенность, затрудняющую оперативную деятельность миротворцев. Дело в том, что наш двор и соседний соединялись вместе, образуя единое пространство, формой напоминающее вытянутую букву «П». Единый оперативный простор, имеющий двое ворот, резко повышал маневренные возможности детей и подростков, ограничивая действия бабушек и матерей, уступающих им в скорости. При этом следовало учитывать, что силовое превосходство сохранялось за женщинами.

В некоторых, исключительных, случаях собирался женский трибунал, чтобы разобрать, кто и каким образом разбил стекло в окне в одной из квартир, чтобы возложить материальную ответственность на родителей виновника. А подобное было не редкостью в достославные предвоенные времена. Ну, что поделат, если дети не имели игрушек, а взрослые порослью своею не занимались, выполняя только жандармские функции. Игры были подвижные, силовые, с использованием самодельного мяча, сделанного из старого мужского носка, набитого тряпками; нитки, связующие все в единое целое, в какой-то мере обеспечивали форму этому чудовищному творению человеческой мысли. Обладай он еще и прыгучестью, взрослым доставалось бы много чаще неприятностей. Звон разбитого стекла толкал хозяйку квартиры наружу. Удивительная женская солидарность в одно мгновение собирала женщин двора, и начинался суд. Никогда не было случаев, чтобы виновник не был определен. Перспектива быть выпоротым способствовала определению большого числа свидетелей. Громкий детский крик с подвыванием, несущийся из какой-то квартиры, свидетельствовал о начале исполнения приговора. Женщины из-за детей не ссорились. Иное дело, если кто-то из них вне очереди, не предупредив общество заранее, использовал общую бельевую веревку.

Политикой в нашем дворе занимались исключительно мужчины, когда собирались за рюмочкой водки и добрым холодным пенящимся пивом. Объектом исследований и комментирования их были международные политические взаимоотношения. На комментирование внутренней экономической и политической жизни общества было наложено табу. Все твердо знали одно – партия и правительство никогда не ошибаются! Я становился невольным свидетелем разговора серьезных мужчин только потому, что играл роль Ганимеда, виночерпия при своем отце.. Это меня, как грамотного и быстрого, отец посылал за пивом и водкой в воскресный день, когда ему хотелось расслабиться после трудов тяжелых и праведных. Водку и пиво подросткам продавали, поскольку не было ни одного случая в городе за много лет, чтобы дети пили такую «гадость», а вот папиросы и спички приобрести под любым предлогом было невозможно. Хотя этот жесткий запрет не исключал возможности попробовать запретный плод. Такая проба состоялась у меня, когда, гуляя с пацанами по Японскому полю, мы наткнулись на пачку кем-то утерянных папирос. Мы накурились ими до отравления и валялись потом с зелеными лицами там же, возле водонасосной башни. Нас «мутило», мы не единожды вырвали. Казалось, что тело насквозь пропиталось табачным дымом. Мы долго пропускали воду сквозь ноздри у фонтана, стараясь удалить неприятный запах, опасаясь, что родители

наши почуют его. Этот эксперимент, по счастью, надолго отвратил меня от табака. Взрослыми от курения папирос мы тогда не стали.

Но вернемся к мужчинам. В теплый, располагающий к отдыху день около нашей квартиры ставился стол, каждый приглашенный мужчина приходил со своим табуретом. На стол ставилась бутылка с пивом и водка. Количество их определялось материальными возможностями собравшихся. Закуска простая: вяленая рыба, лук, редис, свежие огурцы и ломти темного хлеба. Чаще всего за столом усаживалось четверо-шестеро ближайших соседей. Возглавлял компанию мой отец, он был старше других по возрасту и более других разбирался в вопросах политики.

В мои обязанности входило находиться поблизости на случай, если жажда мужчин окажется неудовлетворенной. Только поэтому я становился невольным слушателем и свидетелем трансформации общества. Садись они с озорными, веселыми глазами, удовлетворенно потирая руки. Глянешь со стороны, и душа радуется – собралась компания людей, приятных во всех отношениях. Мужчины не обременяли себя одеждой: майка с хлопчатобумажными брюками или длинная, до колен, рубашка, под которой скрывались сатиновые трусы, по моде того времени, тоже достигающие колен. Появление на улице в таком виде обязательно привело бы к столкновению с законом. Может, этим обстоятельством и объяснялась моя роль снабженца? По счастью, искомое питье находилось неподалеку, на широком молу керченского порта, прежде более доступном для постороннего человека. Его производственную часть отделили выстроившиеся дугой торговые ларьки. В каком-нибудь из них обязательно к воскресенью завозилось несколько бочек свежего пива. Продавец, душою сочувствуя мальчишке, всегда продавал мне пиво на отстой, иными словами, не зарабатывал на его пене. Может, в этом была и вторая причина использования меня на побегушках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.